

Королева пиратов

Автор:

Виктория Янссен

Королева пиратов

Виктория Янссен

Узнав о готовящемся на герцога Максима покушении и намереваясь во что бы то ни стало спасти ему жизнь, молодая женщина – капитан Имена Люнг похищает его прямо из спальни замка. Завернув Максима в ковер, под покровом ночи Имена переносит его на свой корабль и пускается с ним в опасное плавание. Оба понимают, что влюблены, но лишь пройдя через многие испытания: жестокий шторм, встречу со злобными пиратами, плен на затерянном в океане тропическом острове, где им придется стать участниками сексуальных игр – развлечение местных обитателей, – герцог Максим и капитан Имена поймут, что не могут жить друг без друга...

Виктория Янссен

Королева пиратов

THE DUKE &

THE PIRATE QUEEN Copyright

A Novel

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Эntерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Иллюстрация на обложке используется с разрешения «Арлекин Эntерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Товарные знаки, указанные на издании, принадлежат «Арлекин Эntерпрайзиз лимитед» или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– Миледи, – произнес Максим, – я понимаю ваше огорчение...

Леди Диаманта Пико запустила в голову Максима золотым гранатом, украшенным рубинами. Он увернулся, но недостаточно ловко, и гранат, ударившись о верхний угол его диадемы, отскочил к противоположной стене зала приемов и только потом упал на пол, где, покрутившись волчком, наконец замер.

Возле его уха со свистом пронесся кубок, но Максим вскинул руку и поймал его прежде, чем тот врезался в стоящий за его спиной герцогский трон.

– Прекратите это, – сказал он. – Этот кубок был особым выражением моего почтения. Только взгляните на выгравированных на нем рыбок...

– Будь ты проклят! – вскричала леди Диаманта.

– Ничуть не бывало, – возразил Максим. – Я не давал согласия на брак и поэтому не стану на вас жениться.

Тело Диаманты сотрясало от гнева, ее тонкие пальцы уже схватили следующий дар, пригоршню шпилек для волос эбенового дерева с золотыми наконечниками, отлитыми далеко на юге и редко встречающимися в этих краях.

– У тебя нет выбора, – прорычала она.

– Как раз наоборот, – возразил Максим. – Я герцог этого государства и могу жениться на ком пожелаю. Мои привилегии...

– Ты женишься по повелению короля, – холодно произнесла Диаманта. Она положила шпильки обратно на стол, но продолжала поглаживать их пальцами, как лучник – свои стрелы. – Если ты отвергнешь меня, то жизнь моя будет погублена.

– Ничего подобного, – запротестовал Максим. – Вы ненавидите меня. Вы испытываете ко мне это чувство с тех пор, как нам исполнилось по четырнадцать лет. – Он поставил кубок на другой стол, подальше от Диаманты.

Леди Диаманта облизнула губы, пухлые, розовые, манящие. Пальцы ее пробежали по поверхности стола, мимолетно коснулись инкрустированной крышки деревянной шкатулки с засахаренными фруктами и снова вернулись к шпилькам.

– Мои чувства здесь ни при чем, – сказала она. – Как и твои. Я богата.

– И я тоже.

– Именно поэтому мы отлично подходим друг другу. Я должна стать герцогиней. Состояние моего отца будет прекрасным приданым как для короны, так и для твоего герцогства. С самого рождения меня учили управлять имением и соблюдать его интересы.

– Вам не быть моей герцогиней, – ответил Максим, закладывая руки за спину. Изящные кольца, которые он надел в надежде, что она прочтет в этом жесте уважение к себе, нещадно впились ему в пальцы. – Мой отказ никак не связан с вашими управленческими навыками. Очень жаль, что вам пришлось проделать весь этот путь. Неделю назад я уже сообщил королю, что не женюсь ни на вас, ни на любой другой выбранной им даме. Возможно, вы лично сообщите ему мой ответ.

– Ты глупец, – презрительно бросила леди Диаманта. – Наш брак мог бы стать взаимовыгодным союзом. Я способна в значительной степени увеличить твоё богатство и родить тебе двух, а возможно, и трех наследников. Кроме того, я не стану препятствовать твоим... похождениям на стороне, если ты взамен предоставишь мне такое же право.

Диаманта только что облекла в слова его самый страшный ночной кошмар. Он покачал головой.

Взгляды их встретились. Диаманта медленно отложила шпильки и провела рукой по своей груди, красота которой была искусно подчеркнута низким вырезом пурпурного платья. Другой такой груди было не найти во всем графстве. Женщина призывно вздернула бровь. Максим снова покачал головой.

Взяв одну из шпилек, Диаманта умело подколола выбившуюся из прически платиновую прядь волос.

– Ты будешь рад заполучить меня, – произнесла она. – Ведь сам ты далеко не подарок, что бы придворные дамы ни говорили о твоих... талантах.

– Я бы предпочел, чтобы меня не расценивали как приз победительнице соревнований, – париловал Максим. – Вы, разумеется, примете от меня дары, призванные выразить мою скорбь о нашей несостоявшейся помолвке?

Диаманта обвела взглядом стоящие в комнате столы, которые ломились от шелков, драгоценностей и изящных вещей ручной работы. Тридцать подходящих друг другу турмалинов были разложены на черном бархате в обрамлении изысканного кружева. Крупные груши тускло поблескивали в отполированной серебряной чаше, а смесь шафрановой пастилы и засахаренных фиалок украшала идеально воссозданный из марципана королевский дворец.

Маленькая желтая птичка с оранжевым клювом выводила благозвучные трели, сидя в своей бамбуковой клетке, а на дереве, вырезанном из нефрита, примостилась обезьянка-альбинос.

Диаманта погладила украшенную финифтью крышку шкатулки, в которой хранился самый дорогой дар Максима – бальзам, импортируемый с противоположного конца света и еще не выставленный на продажу. С наигранной неохотой она взяла шкатулку размером с ладонь.

– Да, они сгодятся.

Сделав жест своей молчаливо ожидающей горничной, Диаманта развернулась, взметнув вихрь шелковыми юбками, и удалилась.

После того как за ней закрылась дверь, Максим опустил на стул, поглаживая темную окладистую бороду. Ему удалось избежать судьбы, при мысли о которой он внутренне содрогался, – жизнь, проведенная в притворной вежливости и притворной любви к женщине, с которой он не желал даже разговаривать. Ему удавалось избегать угрозы вступления в подобный брак, когда он был всего лишь господином Максимом из прибрежного Протектората.

Ему повезло, что король не опоил его зельем и не заставил произнести брачный обет в полубессознательном состоянии. Он бросил взгляд на графин с вином, вспомнил, что Диаманта проходила мимо, и вылил его содержимое под ствол росшего в кадке дерева.

Обезьяна съела еще одну виноградину.

Максим думал, что располагает большим количеством времени.

Всего лишь пять месяцев назад его герцогство рассматривалось как зависимое государство. Максим был сыном герцога, убитого во время подавления восстания изменников, поэтому положение его было очень шатким. Один неверный шаг, один малейший каприз короля – и его лишат власти, возможно даже казнят. Именно по этой причине Максим так никогда и не женился и не завел ни официального наследника, ни внебрачного ребенка. Когда его собственные родители погибли, он остался сиротой. Он никому не пожелал бы ни такой судьбы, ни сопряженной с ней боли, ни вынужденного подчинения

другому человеку.

Предлагая женщине руку и сердце, Максим хотел оставаться свободным в своем выборе и делать это потому, что сам того желал, а не потому, что кто-то решил так за него. Он стремился жениться на женщине по своему собственному разумению, которая разделила бы с ним бразды правления герцогством, как это делали его родители. Он нуждался в возлюбленной и наперснице, которая обладала бы этим статусом легально, чтобы он не мог быть обжалован. Долгие годы ожидал Максим привилегии взять в жены ту, которую сам выберет.

Обязанности герцога оказались совсем не такими, какими он их воображал, и больше напоминали тюремное заключение, чем привилегию.

Когда он именовался всего лишь господином, его холостяцкий статус не только допускался, но даже и поощрялся. Теперь же, когда Максиму вернули герцогский титул, новый король стал рассматривать его женитьбу как свою первоочередную задачу, оказывая на него все большее давление. Сначала Максим получал письма с гонцами, затем в качестве потенциальной невесты появилась Диаманта. Он не сомневался, что за ней к воротам его замка потянутся и другие претендентки. Ему нужно было как можно скорее жениться, прежде чем король предпримет решительные действия.

И для осуществления задуманного придется каким-то образом отыскать тропинку к сердцу капитана Имены Люнг.

В тысячный раз Максим осыпал себя проклятиями за то, что принял ее к себе на службу так скоро после знакомства. Если бы он знал, что она станет столь тщательно разделять удовольствие и деловые отношения, придумал бы что-то иное, чтобы узнать ее ближе. Сейчас же было слишком поздно. Придется работать с тем, что есть, и действовать нужно быстро, если он хочет избежать участи выдаваемой замуж девственной принцессы.

Максим не хотел торопиться в таком важном деле. Снова и снова он откладывал принятие решения из боязни совершить ошибку и навсегда лишиться того самого шанса. Теперь же у него не осталось выбора, и он проклинал короля Джулиана и свою собственную трусость.

Капитан Люнг должна вернуться в его герцогство на этой неделе, после посещения родителей в Империи горизонта. Тогда-то он с ней и поговорит.

Капитан Люнг ухватила сундук за угол и с шумом поволокла его по палубе.

– Я приеду весной, – пообещала она.

Отец остановил Имену, положив руку ей на плечо:

– Давай я позову слугу, чтобы он донес твой сундук.

– Только поторопись, – попросила она, опустив сундук на палубу.

В действительности ей совсем не хотелось тащить тяжелый сундук через все роскошное судно, поднимать его по ступеням на главную палубу, а затем загружать в специальную тележку.

Отец улыбнулся и погладил руку дочери мозолистой ладонью. Большинству людей его темнокожее, покрытое искусными татуировками лицо со странными светлыми глазами внушало страх, Имене же оно было очень дорого.

– Тебе вовсе не нужно уезжать прямо сейчас. Мы с твоей матерью...

Имена скрестила руки на груди:

– Так это ей принадлежит идея выдать меня замуж!

– Видишь ли, тебе уже за тридцать, и...

– Твой брак не был спланирован за тебя, – возразила она.

В действительности ее отец был взят в плен имперским военно-морским флотом, и его любовная связь с ее матерью, которая была его тюремщицей, даже по прошествии нескольких десятилетий расценивалась как скандальная.

– Это другое, – запротестовал отец, – совершенно другое. Для тебя же мы хотим самого лучшего. Незачем тебе коротать век в одиночестве.

– Да я лучше возьму себе в мужа одну из маминых комнатных собачек, чем кого-либо из этой команды...

– Имена! – За ее спиной стояла мать, облаченная в полное парадное одеяние адмирала флота, в котором она выглядела гораздо внушительнее, чем была на самом деле. Этому способствовали и копна волос, уложенных в высокую прическу на затылке, но более всего осанка и командный тон голоса. Три песика с черно-белой шелковистой шерстью и презрительным выражением на мордах семенили у подола ее длинного платья. Четвертый расположился на лежащей на палубе подушке, пристроив голову на лапы. – Все они уважаемые люди, – не преминула заметить она. – Тебе не придется страдать из-за сделанного тобой выбора, как это случилось со мной. Каждого кандидата я проверила самым тщательным образом. Любой составит тебе отличную партию.

– Я не желаю...

– Разумеется, я прежде переговорил с каждым из них, чтобы дать понять, как пристально стану наблюдать за ними, – произнес отец, поглаживая нож с длинным лезвием, висящий у него на бедре. – Я убедился, что подобные браки часто оказываются гораздо более успешными, чем могло показаться на первый взгляд. Во всяком случае, именно так происходит с большинством союзов, заключенных в этом порту. Если бы ты только подумала как следует...

– Я не желаю... – снова повторила Имена.

– Тебе никогда не найти мужа в море или среди чужеземцев, – перебила ее мать. – Будь же благоразумной. Позволь нам подобрать тебе подходящего мужчину.

Очевидно, муж матери чужеземцем не считался.

– Я не желаю, чтобы вы находили мне подходящего мужа, – закончила Имена свою мысль.

Щеки адмирала Люнг покраснели от гнева.

– Имена! Я твоя мать, и твой долг повиноваться мне.

– Так же как ты повиновалась своим родителям? – воскликнула Имена. – Увидимся весной.

Отвесив родителям поклон, она перешагнула через свой сундук и, не дожидаясь более подходящего транспорта, вскочила на грузовую тележку.

По крайней мере, на ее собственном корабле люди выполняют ее приказы.

Три недели спустя

Ступив на палубу своего судна «Морской цветок», Имена одернула украшенный вышивкой парадный бирюзовый мундир и отряхнула шелковые брюки. Ее босые ступни были покрыты волнообразными татуировками, а на талии она носила длинный, инкрустированный драгоценностями кинжал – подарок ее работодателя герцога Максима. Она улыбнулась, радуясь возвращению в герцогство, на которое не распространялся родительский диктат. Если бы так же легко можно было освободить от него и собственный разум! Встреча с Максимом должна этому поспособствовать. Имена всегда с нетерпением ждала встречи с этим мужчиной. На него приятно было смотреть, с ним приятно было беседовать. При других обстоятельствах она попыталась бы соблазнить его.

Неприменно попыталась бы. И, зная Максима, Имена могла предположить, что преуспела бы в своем начинании.

Узкую палубу «Морского цветка» наводнили моряки обоего пола. Напевая, они передавали друг другу ящики с плодами мангостана, сгружая их на пристань.

Имена одобрительно кивнула им и отправилась к фальшборту, где ее ожидал первый помощник, Четри.

Он одарил Имену улыбкой. Его длинные волнистые волосы свободно развевались на ветру – верный признак близкой высадки на сушу, так как обычно в море он стягивал волосы в тугий хвост на затылке.

– Разгрузка будет завершена во второй половине дня, – сообщил он.

– Перед высадкой выставить вахту с левого борта.

– Слушаю, капитан. – Он ухмыльнулся. – Могу я позволить себе замечание и сказать, что капитан выглядит... очень чистой и опрятной?

Имена рассмеялась:

– Да, можешь.

Она провела рукой по своему голому черепу. В море она редко брилась наголо, но, находясь на суше, считала, что имеет смысл выставить на всеобщее обозрение замысловатые бело-сине-красные узоры, вытатуированные на скальпе еще в бытность ее имперским капером. Как и Четри, она подвела глаза сурьмой.

Первый помощник был облачен в узкие брюки с расшитым серебром кушаком, выгодно подчеркивающим его мускулистое телосложение и черные татуировки на груди – бесконечные круги внутри других кругов. В ушах его болтались серебряные кольца, и серебряные же цепи охватывали шею. На одной из них красовался медальон с птицами, а на другой – гроздь черных жемчужин. На рельефном животе Четри имелась еще одна татуировка – скалящий зубы монстр, из пасти которого вырываются языки пламени. Этому мужчине нечего было волноваться, что, постепенно старея, он перестанет привлекать женщин.

– Могу я выразить надежду, что мой первый помощник на суше... будет иметь успех у противоположного пола?

– Так и будет. А теперь прощай, Имена, иди любезничай с его светлостью. Да пребудет и с тобой удача тоже. Напомни, как там зовут твоего избранника? Саньи?

Поймав на себе ее пристальный взгляд, Четри лишь рассмеялся. Он отлично знал, что Саньи почти целый год был единственным любовником Имены. Бытовало мнение, что связи на суше в счет не идут. Для нее это выражение никогда не было справедливым.

К счастью, кандидаты в мужья, которых представляла ей мать, не надолго отвращали Имену от любовных утех. Никогда прежде не приходилось ей видеть столько людей, облаченных в многослойные шелковые одеяния, отделанные кружевом, да еще и увешанных таким количеством ожерелий и поясов, что хватило бы на украшение целой рыбацкой деревушки. И все эти потенциальные женихи пожирали ее глазами, будто она – драгоценность, которую они вознамерились приобрести, если удастся преодолеть предрассудки, связанные с ее профессией.

Имене предстоит снова встретиться с ними, когда она в следующий раз соберется навестить родителей, или, что еще хуже, придется доходчиво объяснить матери, что она не выйдет замуж за жителя Империи горизонта, чтобы до конца дней своих считаться всего лишь одним из его многочисленных украшений. После чего не составит труда убедить отца, что никакими угрозами ей не заставить одного из подобных мужчин полюбить себя. Для пары, клянущейся, что влюбились друг в друга с первого взгляда, планы относительно союза собственной дочери казались особенно странными. Возможно, они наконец-то осознали истинное положение дел, как это сделала она сама.

Хорошее настроение быстро портилось. Имена сосредоточилась на ощущении деревянного причала под босыми ногами и солнечных лучах, припекающих ее бритый затылок, и постепенно вернула себе доброе расположение духа. Всякий раз, как путешествие ее подходило к концу, она тосковала по морю, но и суша имела свои прелести.

Здесь, в порту, соленый морской воздух смешивался с запахом кипящей смолы с корабельной верфи и соблазнительными ароматами сдобного теста, спелых фруктов, дымящегося мятного чая с медом, липких рисовых шариков и горячей рыбы, приправленной специями. Рот ее увлажнился, Имена подумала о том, что, прежде чем отправляться с докладом к Максиму, стоит перекусить рыбным пирогом.

Возможно, ей следует спросить его совета касательно того, как реагировать на требования родителей. Герцогу было уже за сорок, и он до сих пор не был женат, хотя его положение сильно отличалось от ее собственного – он мог выбирать себе жену по вкусу из множества потенциальных кандидаток. Имена покачала головой. Несомненно, у Максима не найдется времени на беседы личного характера. А если и найдется... она не нуждается в его жалости. Она хочет... Впрочем, она и сама не знает, чего хочет от него.

Имена зашла в кабинет начальника гавани, чтобы уладить вопрос с документацией, затем послала человека на верфь со списком привезенных ее судном товаров, который они с Четри составили заранее, купила рыбный пирог и сахарную пышку, после чего жестом остановила запряженную ослом тележку, намереваясь на ней преодолеть подъем по высокому холму к замку Максима.

По пути туда она впервые за долгие месяцы оказалась предоставленной самой себе. Смакуя каждый кусок пирога, Имена рассматривала других участников движения. В основном это были купцы, но встретились также и несколько местных жителей из близлежащего городка, работающие в замке. Она и сама планировала когда-нибудь стать здесь своей, рассудив, что герцогство окажется лучшим местом для жизни, чем страна, в которой она родилась и где ее положение было очень непрочным из-за смешанной крови. Ее мать может сколько угодно быть адмиралом флота императрицы, но ее отец всегда будет стоять на социальной лестнице ровно на одну ступень выше наложниц, как бы мать ни старалась это изменить.

Если Имена останется жить в империи с родителями, то всегда будет страдать от низкого статуса. Каперы считались много ниже моряков флота, и среди жителей империи Имена резко выделялась благодаря более темной коже и светлым глазам. Если же она выйдет замуж здесь, в герцогстве, то сможет стать полноправной гражданкой страны. Люди, появившиеся на свет от смешанных браков, не считались здесь чем-то греховным, к тому же она в этой стране далеко не единственная чужеземка.

Однако служба имперским капером, навсегда наложившая отпечаток на Имену, теперь может обернуться против нее. Даже тут, в прибрежном городке, где понимали разницу между капером и пиратом, на нее частенько смотрели косо. В конце концов, она же была капером не герцогства, а другого государства, которое считалось дружественным лишь на бумаге. Ее мотивы будут всегда вызывать подозрение.

Имена представила, как перечисляет кандидату в мужья, жителю этого герцогства, список своих недостатков, каждый из которых выделен чернилами другого цвета: чужеземка, дитя смешанного брака, появившееся на свет от союза не вполне благонадежного адмирала флота якобы дружественной страны и ее экзотического мужа-варвара, которого она к тому же заполучила при довольно сомнительных обстоятельствах. А упомянула ли она о том, что,

возможно, является пираткой?

Разумеется, Имене вовсе не обязательно было вступать в брак. Она могла выносить ребенка для гражданина герцогства и обрести таким образом законный статус, но не планировала рожать дитя до тех пор, пока остается незамужней. Еще один способ получения гражданства заключался во вступлении во владение землей, но Имена всегда находилась в море и не смогла бы присматривать за своим имением должным образом, кроме того, даже если ей и удалось бы преодолеть все официальные процедуры, пришлось бы в течение десяти лет лично управлять землями, прежде чем ее прошение о гражданстве будет рассмотрено. Замужество же представлялось кратчайшим путем к достижению желаемого, и к тому же приятным.

Мимо проехала груженная овощами тележка, запряженная волами. Сзади сидели двое ребятишек, болтая в воздухе босыми ногами. Завидев ее, они закричали, и Имена махнула им рукой. Дети подпрыгивали от радости до тех пор, пока ее запряженная осликом тележка не обогнала их, оставив позади. Имена бросила взгляд на своего возничего:

– Можно подумать, что герцог – это я.

Он ухмыльнулся:

– Его светлость они могут увидеть каждый день, а вот встретиться с капитаном Люнг – редкая удача.

Имена почесала затылок:

– Полагаю, вы правы.

Ее не переставал удивлять тот факт, что люди, с которыми она даже не была знакома, приходили в восторг, завидев ее, – она скорее привыкла к осторожности и недвусмысленному ужасу от тех, кто слышал о ее прошлом и подозревал ее в пиратстве и иных преступлениях. Ни на одной из ее прежних должностей не смотрели на нее с таким восхищением, но в прошлом она работала в разных уголках империи, где всегда оставалась не более чем дочерью своей матери, не способной унаследовать материнское положение, и где ее внешность всегда считалась чем-то чуждым.

Здесь же Имена могла сама строить свою жизнь.

Замок герцога был выстроен из местного камня с перемежающимися зелеными и белыми полосками. Он был увенчан острым шпилем и имел несколько обзорных башен с зубцами, которые напомнили Имене тропических рыбок, виденных ею во время купания среди рифов. Ослик втянул тележку на холм, и она уже преодолела внешнюю низкую стену и сейчас направлялась к раскрытым бронзовым воротам, щедро украшенным изображениями осьминогов и различных рыб. Усыпанная раскрошенными белыми морскими раковинами дорожка простиралась от ворот до главного входа в замок, которым пользовались лишь в особых случаях, таких, например, как присуждение Максиму титула герцога.

Имена расплатилась с возничим и направилась к боковому входу. Двое вооруженных пиками стражников проверили ее верительные грамоты и написанное от руки разрешение проносить в замок оружие, после чего мальчик в ливрее распахнул перед ней дверь и сопровождал внутрь. В замке было ощутимо холоднее, чем снаружи, и, ступая босыми ногами по темно-зеленым плиткам пола, Имена ощутила озноб. Ее провели по коридору с белыми стенами, освещаемому мерцающим сиянием свечей. Они миновали комнату, битком набитую секретарями, которые были заняты подсчетами благосостояния герцога. Скоро и груз ее корабля будет внесен в толстые бухгалтерские книги за вычетом ее собственной доли, а также долей Четри и моряков.

У дверей этой комнаты на стуле с высокой спинкой сидела тетя Максима, леди Жизель. Она внимательно изучала колонки цифр, а старший секретарь почтительно замер в ожидании рядом с ней. Перьевая ручка, которую она держала в испещренной шрамами руке, более соответствовала ее облику, нежели притороченный к поясу меч. Когда Имена вошла, леди Жизель подняла голову:

– Капитан! Как я рада снова вас видеть. Найдется ли у вас время сыграть со мной в карты, пока будете гостить здесь?

Имену всегда удивляло, что леди Жизель приветствовала ее лично, тогда как с другими капитанами, находящимися на службе у Максима, она обходилась куда более сдержанно.

– Очень скоро я узнаю это от его светлости, – ответила она. – Четки распоряжаются насчет доставки в замок партии товара. – Имена имела обыкновение привозить для Жизели ее любимые сорта чая из каждого плавания, а также несколько новых видов на пробу. Опустив руку в карман, она достала оловянную коробочку. – Я добыла для вас еще немного мази.

– Благодарю! – просияла Жизель. – Я использовала все, что у меня было, на лечение старого шрама. И стало гораздо лучше, взгляните сами! – Она описала рукой круг в воздухе и добавила: – У нас гостит Сильвия. Возможно, она не откажется сыграть с нами в карты позднее. Максим в купальне. Он распорядился проводить вас к нему сразу по прибытии.

Имена в последний раз видела Сильвию, преданную служанку герцогини Камиллы и ее телохранительницу, на церемонии принятия Максимом титула. Сильвия проиграла Имене в карты, но, как та позднее узнала, соблазнила другого карточного партнера Имены, богатого купца. А также любовника этого купца, акробата. И помощницу акробата, так называемую женщину-змею. Причем всех одновременно. Сегодня Имена была не в настроении выслушивать истории о подобных похождениях и намеревалась избегать встречи с Сильвией на протяжении всего времени пребывания на суше.

– Пойду навещу его светлость в купальне, – сказала она.

Максим нередко принимал посетителей в нижнем уровне своего замка, где располагалась обширная система минеральных источников. Иногда гостям предлагалось вкушать и чувственных удовольствий. Имене нечасто приходилось там бывать, поэтому сейчас ее мучило любопытство. Хотя они никогда об этом не говорили, герцог Максим, несомненно, считал ее привлекательной, но она никогда не поощряла его. Он был ее работодателем, поэтому связь с ним она считала запретной.

В прошлом Имене случилось однажды совершить подобную ошибку, и она дала себе зарок, что этого никогда больше не повторится. Одного раза оказалось более чем достаточно.

Однако не будь Максим ее работодателем, он стал бы отличным кандидатом в мужья, если, конечно, забыть о том, что теперь он герцог и совершенно для нее недоступен. Определенно, этот мужчина не годится для осуществления ее

планов. Герцоги не женятся по велению сердца, а Имена отказывалась быть всего лишь наложницей или случайной любовницей.

Она старалась не сожалеть о возвращении Максиму герцогства и титула. Ему так долго было в этом отказано, что теперь, получив желаемое, он должен был испытывать безмерное счастье. Имене оставалось лишь порадоваться за него. Она никогда не смогла бы выйти за него замуж. Герцоги не берут в жены чужеземок с сомнительным социальным и политическим статусом.

Да и Максим, казалось, вообще не был создан для брака. По крайней мере, такого, о котором мечтала сама Имена. У этого мужчины было множество сексуальных партнеров, как равных ему по положению, так и из числа слуг. Имена ни с кем не стала бы делить своего мужа и понимала, что герцог не пожелает отказаться от доступных ему ныне утех.

В том, что она внезапно возжелала связать себя узами брака, стоило винить ее родителей. Возможно, Максим в любом случае собирался расслабиться сегодня в купальне и не имел никаких скрытых мотивов касательно Имены. Например, не собирался соблазнять ее. Она вполне может понежиться в горячей минеральной воде и насладиться массажем, который ей сделает один из вышколенных слуг герцога.

Мышцы Имены пребывали в постоянном напряжении с тех самых пор, как она навестила родителей в их плавучем доме, палубы которого были битком забиты аристократами, попивающими родительский ликер и подсчитывающими про себя стоимость внутреннего убранства помещений. Один из этих людей, провинциальный сборщик налогов, оскорбил Имену сальными взглядами, то и дело бросаемыми на нее, да еще тем, что предлагал ей еду и питье, словно он, а не ее родители, был здесь полноправным хозяином. Он без разрешения коснулся ее руки, притворно восхищаясь мускулами женщины, плавающей на корабле. Имене едва удалось подавить желание ударить его коленом в пах.

Ей следует прекратить беспокоиться по этому поводу. Мать желает ей только добра, а значит, и отец тоже, потому что, когда дело касалось высшего общества, отец целиком полагался на мнение супруги, рассчитывая извлечь из этого пользу. Но это вовсе не означало, что сама Имена также примет сторону матери. Именно это она им и скажет при следующей встрече. Или, еще лучше, она выйдет замуж в этой стране, а родителям сообщит позже. Она не хотела вступать в брак ради выгоды, но если ей удастся найти альтернативу всем этим

напыщенным кандидатам, то почему бы и нет? В конце концов, если семейная жизнь ее потерпит неудачу, всегда можно уйти в плавание, не правда ли?

Коридор, ведущий в купальню, был погружен в глубокую тишину, нарушаемую лишь потрескиванием масляных ламп с разноцветными стеклянными абажурами.

Отворилась тяжелая дверь, украшенная осьминогами, и на пороге показался мужчина. Он был полностью обнажен, но, учитывая обстановку, это воспринималось как само собой разумеющееся. Они обменялись приветственными кивками, и мужчина направился назад, к гостевым кабинам.

Был ли этот мужчина любовником Максима? Вполне возможно. Герцог в равной мере развлекался и с мужчинами, и с женщинами. Капитаны двух кораблей независимо друг от друга рассказывали Имене, что имели связь с Максимом.

Для нее это не должно было иметь никакого значения. Герцог был ничуть не хуже любого моряка, с той лишь разницей, что располагал большими возможностями завести роман. Имена не сумела бы объяснить, почему это обстоятельство так волновало ее. У нее не было ни малейших причин ревновать к его пассиям.

Рывком распахнув дверь, она вошла внутрь, вспомнив, что нужно обращаться к хозяину «ваша светлость», а не «милорд». Максима она не видела с тех самых пор, как ему пожаловали титул.

В тот день он выглядел поистине величественно. Его волосы длиной до плеч были собраны сзади в хвост, а в ушах, на белых перчатках и пуговицах шелкового светлого камзола, расшитого извивающимися ламинариями и геральдическими осьминогами, поблескивали изумруды.

В настоящий момент на Максиме не было официального облачения. Он был полностью обнажен и лил себе на голову воду из ведра. Мыльная пена струилась вниз по его мускулистой спине, ягодицам и бедрам, оставляя на бледной коже влажный след, который словно умолял о прикосновении. Как руками, так и языком.

Отогнав навязчивое видение, Имена позвала:

– Ваша светлость?

Максим повернулся к ней. Ведро в его руках не скрывало от ее глаз его торс, покрытый черными волосами, плоский живот и внушительных размеров мужское достоинство. Имена поспешно перевела взгляд на его лицо. Быть обнаженным в купальне считалось нормальным, а вот смотреть во все глаза – нет.

Максим вовсе не был похож на человека, который недавно предавался любовным утехам, и в помещении не витал запах соития.

Он заговорил низким обволакивающим голосом:

– Капитан Люнг? Не ждал вас так скоро. Очень рад вас видеть. Как прошел ваш визит домой?

Он быстро отвернулся и, взяв лежащее на скамье полотенце, обернул его вокруг талии. Обычно Максим не проявлял признаков стыдливости, поэтому его жест озадачил Имену. Она решила, что ему просто холодно. Возможно, он погружался в источник с холодной водой, но в таком случае его гениталии... Усилием воли она подавила и подобные мысли, и желание рассмеяться.

Несомненно, полотенце понадобилось герцогу для того, чтобы показать, что он вовсе не намеревается соблазнять ее. Имена не ожидала застать его совсем одного, даже без слуг. Именно эта внезапная интимность ситуации наталкивала ее на недозволенные мысли, заставляя забыть о том, что он является ее работодателем. Никогда прежде в подобных ситуациях Имена не смотрела на Максима с таким вождением.

– Я могу зайти попозже, если хотите, – сказала она.

Герцог взял еще одно полотенце и принялся вытирать свои темные волосы, затем отжал его.

– Нет-нет. – Максим пристально воззрился на нее и ухмыльнулся. Он обладал очаровательной улыбкой, его белые зубы эффектно выделялись на фоне черной бороды, и Имена моментально почувствовала головокружение. – Вероятно, не следовало мне спрашивать о твоём визите домой, – отбросив церемонность,

добавил он. – Судя по твоему виду, тебе не помешает принять ванну. Я потру тебе спинку, пока ты введешь меня в курс дела.

В общественных банях мужчины и женщины мылись порознь, но в частных купальнях нравы были не столь строги. Нередко Имена становилась свидетельницей того, как в купальнях замка слуги помогали гостям противоположного пола, или сами гости друг другу, но у нее и в мыслях не было, что сам герцог пожелает принять в этом участие.

Мысленно Имена укорила себя в глупости. Это же Максим. Герцог или нет, он всегда оставался настоящим мужчиной, который не станет изменять своим привычкам в связи с обретением титула. А самой ей... понравится, если кто-то станет ее купать. Она чувствовала нестерпимую усталость, ее тело было утомлено напряжением и сдерживаемым гневом. Ей хотелось ощутить прикосновение сильных рук Максима к своей коже. Небольшое потворство собственным капризам не сумеет ей навредить. Это же всего-навсего купание.

– С удовольствием, ваша светлость.

Она уже вспотела в своем шелковом мундире и брюках, поэтому с радостью сняла их и повесила на крючок рядом с изысканным камзолом Максима. Кинжал и поясной нож она положила на полку рядом с оружием герцога. Вынув из ушей золотые сережки, Имена опустила их в деревянную чашу, в которой уже лежали кольца герцога, внушительный медальон и пара больших рубиновых серег. Прежде Максим не имел обыкновения украшать себя столь ярко.

– Кто посещал вас сегодня? – поинтересовалась Имена.

Герцог поморщился:

– Посланник короля.

Имена обвела помещение взглядом, и он указал на деревянную скамью:

– Присядь здесь, а я принесу воды.

Скамья оказалась теплой и гладко отполированной. Установленные в нишах масляные лампы заливали стены помещения красным, оранжевым, розовым и золотым сиянием, секции каменного пола были декорированы мозаикой тех же цветов. Из бассейна поднимался, закручиваясь, пар. Вдохнув его, Имена почувствовала, с какой легкостью здесь дышится. Ей нравилось быть обнаженной. Расстелив на скамье полотенце, она присела, кожей ощущая благотворное действие тепла и слушая, как Максим наливает воду. Когда он вернулся к ней, Имена поинтересовалась:

– Зачем король послал к вам своего человека? Собрать налоги, которые вы удерживаете, Максим? Ваша светлость, – тут же добавила она.

Он, казалось, не обратил внимания, как именно она к нему обратилась.

– Закрой глаза.

Максим намазал ей веки подогретой мазью, а затем осторожно стер с них краску. Имена ощущала на лице его дыхание, гораздо более интимное, чем прикосновение рук к ее коже. С помощью специального лосьона и ткани Максим очистил ее лицо, затем уши и, наконец, бритый череп. От его касаний по позвоночнику побежали мурашки. Она едва сдерживалась, чтобы не потереться головой о его ладонь, как кошка, требующая больше ласки.

– Так что это был за посланник? – не унималась Имена.

Максим принялся интенсивно растирать ее ключицу пропитанной мылом тканью. Подавив стон наслаждения, она закрыла глаза. Максим прервал свое восхитительное занятие, для того чтобы прополоскать ткань, и лишь тогда произнес:

– Его величество послал лорда Оделла, который, как ты, возможно, помнишь, является главным распорядителем герцогского совета. Его величество король Джулиан Седьмой, владыка восточных проходов, властелин восьми герцогств – включая и мое, – решил напомнить мне о необходимости жениться. Он устал ждать, когда я выполню эту миссию, выбрав жену самостоятельно, и приказал мне немедленно связать себя узами брака.

Максим снова стал тереть Имене спину, более интенсивно, чем прежде.

Со вздохом она уперлась локтями в бедра, давая ему возможность приложить большее усилие.

– Так как не может лично выносить вам наследника, он решил навязать верного ему человека.

Ненадолго воцарилась тишина, затем Максим рассмеялся:

– Джулиан – действительно привлекательный мужчина, но не думаю, что в его вкусе партнеры одного с ним пола, особенно те, у которых борода.

Стараясь подавить острое разочарование, Имена спросила:

– И когда свадьба?

– Я отказался.

Имена посмотрела на герцога через плечо. Делать это ей было не очень удобно, потому что он сосредоточенно тер ее руку, от плеча до кончиков пальцев. Лицо его было предельно серьезным.

– Вы герцог в его королевстве, – напомнила она.

– Так и есть. И я обладаю всеми полагающимися мне правами и властью. Я несколько раздосадован тем, что пришлось ради этого пойти на небольшой шантаж, ведь этот титул принадлежит мне по праву рождения. Вполне вероятно, что Джулиан уже направил ко мне еще одного гонца. Я начал готовиться к обороне на случай, если король что-то замышляет.

– У вас уже есть наследник?

– Я не стал бы вести себя столь неосторожно! – резко возразил Максим, на мгновение крепко сжав плечо Имены, но тут же отпустив. – Прошу прощения. Я сделал тебе больно?

– Нет. Вы потрете и другую руку тоже?

Она никогда прежде не видела, чтобы герцог проявлял гнев, по крайней мере, гнев от собственного бессилия, сродни тому, что она чувствовала сама. Сочувствие, испытываемое к этому мужчине, удивило ее, и она едва подавила желание положить руку ему на плечо.

Растирая левую руку Имены, Максим действовал с гораздо большей нежностью.

– Ты приехала сюда не для того, чтобы выслушивать мои жалобы, – сказал он. – Да и не на что мне жаловаться. – Прополоскав ткань, он намылил ее и принялся невозмутимо водить ею по груди и животу Имены. – Плоды мангостана перенесли путешествие благополучно?

Имена старалась не обращать внимания на тепло его ладоней, которое ощущала через ткань.

– О да. В следующий раз мы снова воспользуемся этим способом укладки фруктов. Они очень сладкие. Четри доставит вам ящик.

Имена доложила об остальной части груза, его стоимости и ожидаемой прибыли, радуясь тому, что может таким образом отвлечься.

Принимаясь намыливать ее бедро, Максим рассеянно заметил:

– Вот эта мне особенно нравится.

Пальцы его обрисовали контур татуировки в виде осьминога с волнообразными щупальцами.

Имена задрожала. Это прикосновение показалось ей гораздо более интимным, чем прочие. Она ни за что не призналась бы, что, выбирая этот рисунок, думала о Максиме, и представляла его в воображении, когда иглы накалывали татуировку на ее кожу. Это воспоминание странным образом переплелось в ее сознании с наслаждением, испытанным ею от его прикосновения.

Герцог продолжал мыть ей ноги, больше не делая никаких личных комментариев. Он задавал обычные вопросы об обстановке в портах, которые Имене довелось посетить, а также касательно начальника порта или владельца

судоверфи, с которыми был знаком. Она рассказывала все, что знала, вне зависимости от того, как ничтожно скудны были эти сведения. Она говорила и о том, что услышала от Четри, других своих моряков или служанки Норис.

Максим внимал ей с отсутствующим выражением лица, но она слишком хорошо его знала и понимала, что он не упускает ни единой детали. Когда Имена закончила говорить, он бросил полотенце на пол, опустился на колени и принялся мыть ее ступни.

Он не массировал их и не гладил больше, чем требовалось, но Имена ощущала при этом пробегающую по ее ногам дрожь возбуждения. Глядя на основание шеи Максима, она думала о том, как хочется ей положить туда руку или прижаться губами к линии роста волос. Ей нужно было что-то сказать, чтобы отвлечься от его пальцев, намазывающих ее ступни. Дрожа от желания, Имена представляла, как он облизывает языком пространства между пальцами ее ног.

– Мои родители хотят, чтобы я вышла замуж, – с отчаянием в голосе произнесла она.

Глава 2

Руки Максима замерли, и Имена медленно выдохнула. Теперь, когда он больше не касался ее, она могла расслабиться. Он женится на придворной даме, потому что так повелел король, а она станет женой кого-то, не носящего герцогский титул, и поэтому нечего даже и мечтать об... этом.

Никакого этого быть не может. Максим просто исполнил перед ней обязанности слуги, и ничего больше. Таково его своеобразное представление о дипломатии. Имена чересчур остро отреагировала на его касания, потому что долгие месяцы находилась в плавании и была лишена любовных утех.

Сейчас ей требовалось стряхнуть с себя неподобающее возбуждение, покинуть дворец и разыскать Саньи, который всегда радовался ее нечастым визитам в его свечной магазинчик. В залитой солнечным светом спальне Саньи позаботится о ее удовольствии, а потом они поужинают вместе, и она станет играть с его

двумя сыновьями в саду. Возможно, даже задержится у него на ночь. Саньи будет счастлив, если она так поступит. Он всегда говорит, что хочет видеть ее чаще.

Имене с трудом удалось убедить себя в том, что мягкий верный Саньи для нее предпочтительнее, чем Максим.

Выдержав значительную паузу, Максим поместил ее намыленную ногу себе на бедро, накрытое полотенцем, и принялся медленными движениями растирать ей икру. Имена непроизвольно поджала загрубевшие пальцы ног, ощущая через ткань крепкие мускулы его ноги. Плечи Максима напряглись. Имена отвела взгляд, пытаясь таким образом прогнать неподобающие мысли.

– Твои родители предоставили тебе какой-нибудь выбор? – спросил герцог.

Имена была благодарна ему за то, что он отвлекает ее разговором.

– Да, около дюжины кандидатов, – ответила она.

– Есть ли среди них достойные внимания?

– Они все... очень богаты. И горят желанием породниться с семьей адмирала Люнг. Мать сама отбирала их, хотя последнее слово оставалось за отцом.

Максим принялся растирать икру на другой ее ноге.

– Породниться с семьей адмирала, но не лично с тобой? Им не нравится твой отец? – Имена ничего не ответила, и Максим продолжал: – Ты рассказывала мне о нем, помнишь? Я знаю, что он был пленником.

Имена успела забыть о том пьяном вечере, о котором сейчас вспомнил герцог. Она тогда проходила собеседование на должность его доверенного капитана.

– Говорила ли я о том, какие еще это имеет последствия?

– Ты не можешь унаследовать должность в имперском флоте, – невозмутимо произнес он. – И твои дети также не будут наделены этим правом. Им нельзя

будет поступить на службу государству, по крайней мере ради получения жалованья, а вот детям их детей это можно будет сделать в том случае, если они выдержат определенные испытания. К тому же все их прочие предки должны быть полноправными жителями государства. Тебе же самой, однако, позволено быть капером и рисковать своей жизнью во славу империи. – Произнеся эти слова, Максим поднялся и, бросив ткань в корзину, принялся массировать скованные напряжением плечи Имены.

В его словах заключалась горькая правда. Имена подалась вперед всем телом, вздыхая от наслаждения. Сильные пальцы герцога разминали сведенные мышцы у основания ее шеи. Имена не осознавала, как сильно болела у нее голова, пока тело ее не расслабилось под действием умелого массажа. Понимая, какое он оказывает на нее воздействие, Максим нежно провел ладонью по бритому черепу Имены, прежде чем продолжить.

– Так какая тебе выгода от вступления в брак с одним из этих мужчин? – поинтересовался он.

Она задумалась над ответом, но собраться с мыслями было сложно, принимая во внимание, что руки герцога продолжали массировать ее плечи и шею.

– Положение в обществе, – произнесла она. – Я стану частью его семьи и приобрету, таким образом, заслуживающую доверия репутацию, ну, по крайней мере, в определенных рамках. Мой муж будет ответственным за меня. – Она пыталась сдержать рвущийся наружу гнев, но не сумела.

– Ты же не станешь совершать подобного шага.

– Возможно, мне придется. – Имена опустилась на скамью. Руки герцога двигались вверх и вниз по ее спине по обеим сторонам от позвоночника, изгоняя напряжение из мышц. – У меня есть деньги, которыми я могу распоряжаться по собственному усмотрению. Но вот от «Морского цветка» мне придется отказаться. В обществе не принято, чтобы супруги богачей бороздили моря и океаны.

– До этого не дойдет, если ты попросишь убежища в моем герцогстве, – ответил Максим.

Женщина невесело улыбнулась:

– Благодарю за предложение, но не думаю, что король Джулиан придет в восторг оттого, что в его королевстве станет жить дочь имперского адмирала.

– А если ты выйдешь здесь замуж? Тогда твоя преданность будет принята с большей охотой, а дети смогут стать кем пожелают.

Имена прикрыла глаза:

– Я... размышляла над этим.

– Неужели? – Максим похлопал руками ей по плечам. – Пусть впитается.

Прежде чем погрузиться в один из малых источников лицом к лицу с Максимом, Имена облилась холодной водой, чтобы погасить бушующий в ее теле пожар желания. Каменная скамеечка в источнике оказалась очень скользкой, и она попыталась найти опору, чтобы не упасть. В следующее мгновение она осознала, что касается ноги герцога.

– Прошу прощения, – выдохнула она, разбрызгивая воду и удобнее устраиваясь на скамье.

Максим рассмеялся. Подавшись вперед, он схватил ее за ногу и привлек к себе, побуждая сесть рядом:

– Если ты сядешь здесь, то сможешь любоваться новыми скульптурами.

Едва сдерживая улыбку, Имена посмотрела на него и произнесла:

– Ваша светлость, вы пытаетесь соблазнить меня?

– Совсем немножко, – признался он, обнимая ее рукой за плечи. – Сжался надо мной, – добавил он, – у меня тоже был тяжелый день. – Максим смотрел на нее с таким притворным вожделением, что Имена рассмеялась. Возможно, ничего страшного не случится, если она прислушается к своим желаниям, всего один раз. В том не будет большого вреда, так ведь?

– Ну хорошо, сегодня я посижу рядом с вами, – согласилась она. Когда тела их соприкоснулись, по коже ее разлилось приятное покалывание. Женщина чуть придвинулась, чтобы они касались друг друга плечами. Мускулистое тело Максима внушало доверие, а волосы на его груди оказались мягче, чем Имена предполагала. Ей вдруг захотелось потереться о него всем телом, растворяясь в наслаждении, – желание, которое никогда не приходило ей в голову в постели Саньи.

Какая жалость, что Максим герцог, жалость и для него, и для нее. Сама Имена, по крайней мере, может отвергнуть выбранных для нее родителями кандидатов, а вот Максиму вряд ли удастся долгое время игнорировать приказы короля. Рука его крепче сжала ее плечи. Теперь, когда она находилась в столь тесной близости с этим мужчиной, Имене стало гораздо сложнее бороться с владевшим ею вожделением. Она глубже погрузилась в воду, прижавшись щекой к крепкой груди Максима. Носом она при этом почти касалась его соска. От герцога пахло кедровым мылом. Она могла бы полизать его кожу, если бы только пожелала.

– Ты же не засыпаешь, правда? – спросил Максим. – Ты еще не оценила красоту скульптур. Посмотри вон туда, в грот.

Имена повиновалась. Грот был пробит в дальнем углу купальни, сверху в нем свисали сталактиты, украшенные кристаллами, которые мягко поблескивали в свете масляных ламп. Новыми скульптурами оказались маленькие осьминоги всех цветов радуги, прикрепленные в различных местах грота, создавая иллюзию, будто они плывут в каменном море.

– Они очень милы, – произнесла Имена.

– Рад, что тебе нравится, – отозвался герцог и, потеряв ладонью ее предплечье, добавил официальным тоном: – Капитан Люнг, что, если вы выйдете замуж за меня?

Имена рассмеялась:

– Это было бы наихудшим решением проблемы для обоих. Я стала бы для вас обузой.

– Совсем не обязательно, – возразил Максим.

Склонившись к женщине, он поцеловал сначала ее ухо, а затем чувствительную кожу над ним. Эта ласка пронзила Имену от макушки до кончиков пальцев ног. Она задрожала и совсем было собралась отпрянуть от Максима, но тело не повиновалось ей. Его близость возбуждала ее.

– У тебя есть много достоинств, – произнес он. – Да и я обладаю некоторыми привлекательными чертами, которые тебе следует принять во внимание.

– Какими, например?

Максим ласкал кожу у нее за ухом и у основания шеи. Имена понимала, что ей следует остановить его, но ей было очень тяжело противостоять его прикосновениям. Она поерзала, устраиваясь удобнее, и поняла, что схватила Максима за бедро.

– Я разозлю твою матушку, – сказал он, нежно лаская пальцами ее предплечье. – Ты, конечно, не говорила, что это входит в твои намерения, но...

– У вас это отлично получается, – ответила Имена, не двигаясь с места. Ей следовало бы увеличить дистанцию между ними. Следовало бы, но очень уж нравились прикосновения Максима, и она ощущала... близость с ним. Этому способствовала их беседа, а не чересчур тесное соседство тел на скамье. Имена жаждала добиться еще большей близости, какой бы она ни была. Еще чуть-чуть дольше.

Ей следовало бы вести себя как ни в чем не бывало и держать свои эмоции под контролем. Они с герцогом не представляли друг для друга угрозы. Имена слишком сильно волновалась. Возможно, стоило дать себе волю и хотя бы раз получить то, что хотела и когда хотела.

– Достаточно ли хорошо мне удастся очаровывать тебя и предугадывать твои желания? – поинтересовался Максим.

– Да. Нет. Не знаю... – Кожей она ощущала его теплое дыхание, заставляющее ее краснеть больше, чем поднимающийся от воды жар. Что, если он ее поцелует? А

что, если она сама поцелует его? Она точно не будет первой и, определенно, не последней, сделавшей это.

– Выйдя за меня замуж, ты станешь полноправной гражданкой герцогства, а у твоих детей, пожелай они навестить бабушку с дедушкой, будет дипломатическая защита.

– Никогда не говорила, что хочу иметь детей, – улыбнулась Имена.

Максим поцеловал ее в ямочку у основания шеи, и, повинувшись ему, Имена крепче сжала его бедро.

– И тебе не придется расставаться со своим кораблем.

– Остановитесь! – воскликнула она и, извернувшись, схватила герцога за волосы. – Если вы пытаетесь соблазнить меня, я бы предпочла, чтобы вы не говорили о несбыточном. – Имена впиалась в его губы страстным поцелуем и задохнулась, отведав на вкус его рот. – В искусстве соблазнения вы преуспели. Но прочее обсуждать не будем.

– Что, если я хочу...

Имена снова поцеловала его:

– Не будем больше об этом говорить. Последние несколько недель выдались у меня очень тяжелыми. Так вы хотите меня или нет?

– Интересный вопрос. – Максим поднялся со скамьи и встал в источнике перед Именой. – Я занимался любовью прямо здесь, в этих купальнях, но результат оказался не таким впечатляющим, как ты думаешь. В самый неподходящий момент могут подвернуться мелкие камешки, да и о минеральной пыли не стоит забывать. Но если ты откинешься назад и расслабишься... – Он погладил ее по рукам, затем обхватил груди, будто специально созданные для его ладоней. Имена почувствовала, как напряглись и затвердели ее соски. – Перестань хмуриться.

Прикосновение герцога возносило ее на вершину блаженства, но даже оно не могло отвлечь ее от проблем.

– Я не хмурюсь.

– Ты считаешь мое предложение неразумным?

– Не совсем, – призналась Имена. – Я в самом деле хочу вас.

– Полагаю, то, что я могу явиться лекарством от твоих бед, – не самая печальная перспектива. Я не обижусь, если ты откажешь мне. Хочешь, чтобы я остановился прямо сейчас? – Имена покачала головой, и Максим, улыбнувшись, прикоснулся к ее лицу, проведя большим пальцем по линии губ. Это движение отлично имитировало поцелуй. – Тогда, возможно, если ты от души крикнешь несколько раз, это поможет.

Удивленная его прямоотой, Имена рассмеялась. Губы герцога коснулись ее губ, ищущий язык проник внутрь. Имена сначала с силой сжала его плечи, потом запустила руки ему в волосы. Мокрые пряди свободно проскальзывали между ее пальцев. Максим со стоном отстранился.

– О нет, это ты должна стонать, а не я, – сказал он и принялся гладить ее лысый череп, отчего по ее груди побежали искры. Он не останавливался, и Имена задрожала всем телом и выгнулась ему навстречу. – Интересно, могу ли я довести тебя до оргазма одними лишь ласками? Ты же только что побрилась, не так ли? Какая гладкая у тебя кожа. И сладкая как мед. – Он подался вперед и лизнул. – Нет, даже слаще, – добавил он низким голосом.

Наклонившись, Максим принялся посасывать соски Имены, сначала один, потом другой. Это возбуждало ее, но не давало насыщения.

– Круглые и крепкие, как виноградины, – прошептал он, касаясь сосков языком, как мог бы касаться клитора. Раздвинув колени, Имена взяла в плен бедра Максима, и он, издав низкий вздох желая, повиновался ей. Его восставшая плоть, крепкая, огромная и горячая, как вода в купальне, трепетала у живота Имены. Она сжала его член рукой и стала, сжимая, массировать его. От прикосновения ее пальцев он продолжал увеличиваться, наливаясь силой. Ей захотелось попробовать его на вкус.

– Восхитительно, – прошептал герцог ей на ухо. – остановись, остановись, или я не смогу... Вот так!

Подхватив Имену под ягодицы, он поднял ее из воды и прижал к стенке источника.

– Сильнее, – приказала она, лаская его плечи. Кожа его казалась шелковистой, а под ней перекачивались сильные мышцы.

Максим гладил ее бедра, затем развел в стороны ноги, коснулся указательным пальцем влагалища и раздвинул половые губы, проникая вглубь. От его прикосновений Имену бросало в жар. Она едва смела дышать.

– Какие восхитительные у тебя мускулы и какое мягкое лоно! Пила ли ты когда-нибудь сладкий сок апельсина? Я прикинну к тебе ротом и буду сосать твою плоть до тех пор, пока по подбородку не потечет твой сок.

Имена привлекла к себе голову Максима и заметила, как блеснули в усмешке белые зубы, прежде чем губы его коснулись внутренней стороны ее бедра с вытатуированным на нем осьминогом. Влажная борода Максима приятно щекотала ее кожу.

– Кожа у тебя как шелк, нежная, словно вода, мягкая, словно вода на моей коже, – бессвязно бормотал он, щекой касаясь влагалища Имены. Волосы на его голове смешивались с волосами на ее лобке, рождая тысячи ярких искр удовольствия. Имена притянула его голову к своему лону, зная, что он позволит ей это, и застонала.

Кожей она ощущала дыхание Максима. Большими пальцами он осторожно раздвинул складки ее половых губ.

– Знаешь ли ты, что все женщины снизу выглядят по-разному? Ты такая нежная и влажная и так восхитительно пахнешь... – Он потерся о ее плоть сначала носом, потом коснулся языком, заставляя лоно Имены увлажниться еще больше, чему способствовало и трение его бороды. – У тебя вкус океана.

Задыхаясь, Имена запустила пальцы ему в волосы. Возможно, она делает ему больно. Осознав это, девушка попыталась расслабиться, но не сразу сумела это сделать. Пальцы отказывались повиноваться ей, они, казалось, по своей воле продолжают гладить пряди Максима.

Он посасывал ее половые губы, одновременно дразня ее лоно пальцем. Напряжение внутри ее росло, становилось все мощнее, пока наконец не рассыпалось тысячами сияющих искр.

– Еще? – спросил герцог. Он то прикусывал чувственный бугорок Имены зубами, то гладил его языком, повторяя эти действия снова и снова, пока она, задыхаясь, не затрепетала всем телом под его губами. Максим продолжал перемежать ласку и напор до тех пор, пока Имена не достигла еще одной разрядки, на несколько мгновений полностью лишившись контроля над своим телом.

Придя в себя, Имена отпустила его волосы. Руки ее вдруг стали вялыми и бессильными, но она по-прежнему хотела гладить Максима по голове и касаться кончиками пальцев бороды. Возможно, все дело было в его улыбке, которая говорила о том, что он испытывает радость оттого, что ему удалось довести ее до высшей точки наслаждения.

Грудь Имены так напряглась, что это причиняло почти физическую боль. Одно долгое мгновение, показавшееся вечностью, она была не в состоянии дышать или отвести взгляд от глаз Максима, в уголках которых притаилась улыбка. Он был очень нежным, таким же нежным, как и Саньи. Женщина не ожидала ничего подобного. Ей хотелось свернуться калачиком у него на груди и насладиться блаженной негой, закрыв глаза, чтобы его улыбка больше не могла причинить ей боль.

Вместо этого она произнесла:

– Благодарю.

– Ты не кричала, – заметил в ответ Максим, лаская ее бедро. Мышцы ее все еще дрожали. – Думаю, стоит повторить, и не один раз.

Герцог поцеловал ее, принесся на губах привкус моря. Имена запоздало осознала, что пробует сейчас саму себя. В глубине ее живота зародилась дрожь, которая

сотрясла все ее существо, и Максим одной рукой привлек ее к себе. Грудь ее коснулись его торса, и внезапно Имену охватило желание лежать под ним, ощущая на себе вес его тела. Она мечтала, обхватив его ногами, впиться пятками ему в ягодицы. Еще несколько мгновений – и вождение ее перельется через край.

Она не может этого допустить, ведь тогда ей будет слишком больно.

Любовная связь с работодателем шла вразрез с принципами Имены. Она не должна была даже думать об этом. Ведь Максим – герцог. Она еще до приезда сюда знала, что это очень плохая идея. И не имело значения, что Максим – достойный доверия мужчина, который очень ей нравится. Несколько лет назад ей уже преподали урок того, что нельзя смешивать работу с удовольствием. Не следовало ей вообще раздеваться в присутствии герцога.

– Благодарю, – повторила она, – все было очень хорошо. Я пошлю вам декларацию судового груза, как только получу ее от начальника порта. До свидания, ваша светлость.

Имена почти дошла до двери, когда он окликнул ее. Она обернулась. Максим выбрался из источника и теперь стоял перед ней в полный рост. На пол с его тела стекала вода.

– Что не так? – спросил он.

– Все в порядке, – отозвалась Имена. – Славно повеселились. Благодарю вас. Увидимся позже...

Максим уставился в пол.

– Возможно, сначала тебе следует надеть халат, – произнес он. – Ну почему ты уходишь? Могла бы остаться здесь, понежиться в водичке. Прости, что огорчил тебя.

– Вы этого не сделали. – Слова были бессильны скрыть то, как сильно дрожат ее колени.

Максим скривился:

– Конечно нет. Если я понадоблюсь, приходи в мои покои.

Имена едва успела посторониться, давая ему пройти. Герцог сорвал с крючка халат, накинул его на плечи и вышел из купальни.

Имена обвела взглядом пустое помещение.

– Хорошо все прошло, – пробормотала она, думая о том, что ей следовало остаться в море.

Глава 3

Возвращение в личные покои никоим образом не способствовало избавлению Максима от владевшего им возбуждения. Он с детства не выказывал подобной неловкости. Имене явно понравилось то, как он пытался ее соблазнить, но ему было совершенно очевидно, что он недооценил собственную способность убеждения. Имена не изменила точку зрения на замужество. Или он что-то упустил из виду. Или...

Максим замер на лестничной площадке и смотрел на свою восставшую плоть до тех пор, пока возбуждение не ослабло. Герцог корил себя за то, что выказал слишком много рвения, но оставаться холодным и отстраненным, находясь рядом с Именой, было просто невозможно. Впервые в жизни он возжелал женщину с такой пылкой страстью. Он как будто снова стал юношей, которым правит не рассудок, а гениталии.

Продолжив восхождение по ступеням, герцог пробормотал:

– Кажется, со времен моей юности ничего не изменилось.

Максим решил, что в следующий раз – если этот следующий раз вообще наступит – он разработает план. Он станет держать себя в руках и игнорировать томление плоти до тех пор, пока ему не удастся убедить Имену в своей

искренности. Даже если на это потребуется несколько попыток.

Максим рывком распахнул дверь, ведущую в его личные покои, переступил порог и замер на месте. На мягкой подушечке сидела, скрестив ноги и лениво выбирая с подноса виноград и другие лакомства, Сильвия, посланница соседнего герцогства. Ее белокурые волосы длиной до талии являли разительный контраст с облегающим кожаным костюмом для верховой езды и жакетом, в которые она была облачена. Такой наряд выгодно подчеркивал изгибы стройного тела женщины и гармонировал с саркастическим выражением лица. Максим подумал о том, не замышляет ли Сильвия внести сумятицу в ряды его слуг, которые, как и во время прошлых ее визитов, станут взирать на нее ослепленным от любви взглядом.

У Сильвии никогда не было проблем с любовниками. Черета их казалась бесконечной. Максиму следовало бы поучиться у нее и не позволять физической стороне своей натуры оказывать подобное воздействие на эмоциональное состояние.

– Донесения на вашем столе, ваша светлость, – произнесла Сильвия, поднимая голову при появлении Максима. Она положила в рот марципановую морскую звезду и, прожевав, добавила официальным тоном: – Ее светлость герцогиня Камилла и ее возлюбленный Анри шлют вам поклон. – Она сделала глоток вина. – Анри сказал, что Эмми тоже передает вам привет, но это маловероятно, потому что малышка еще не научилась связно говорить, и я сомневаюсь, что она вообще вас помнит. Несколько долгих месяцев минуло с тех пор, как мы в последний раз видели вас. Если помните, Эмми спала на церемонии вашего вступления в титул.

– Довольно уже указывать мне на мое место, – произнес герцог. – Есть ли что-то особенное, чего хочет от меня Камилла и что ты не могла сообщить ни моей тете, ни одному из секретарей?

Камилла была его давней приятельницей, они даже были любовниками в прошлом, и, вероятнее всего, направила бы ему детально составленный документ, если бы нуждалась в его помощи. Да и Сильвия уже сообщила бы ему, что ее послали к нему по личному вопросу, который нельзя доверить бумаге.

Женщина попробовала несколько засахаренных слив, затем без малейших усилий поднялась.

– Кажется, у вас морской еж в мягком месте застрял, – произнесла она уже менее официально. – Похоже, прекрасная капитанша вас отвергла.

Максим подавил вспышку ярости. Временами ему даже нравилась дерзкая манера поведения Сильвии, но только не сегодня. Не удостоив ее ответом, герцог прошел в свой кабинет, раскрыл мешок с дипломатической почтой и высыпал на расписную крышку стола письма, донесения и прочие официальные послания. Камилла послала ему набросок с изображением ее маленькой дочери – ее возлюбленный Анри придерживал пухленькую девочку, сидящую на холеном пони. Максим подумал о том, что этот ребенок мог бы быть его, сложись обстоятельства по-иному. Нередко случается так, что один герцог выдает свою дочь замуж за сына соседа, формируя таким образом прочный политический союз. В действительности отец Камиллы убил и отца, и мать Максима, сделал их герцогство своим протекторатом, а самого Максима взял в заложники. Кроме того, отец Камиллы недвусмысленно дал ему понять, что он недостойн его дочери и ни при каких обстоятельствах не сможет на ней жениться.

Возможно, это было и к лучшему. Уж слишком они с Камиллой были похожи. Максим был рад узнать, что она избавилась от гнета своего безумного мужа-тирана и сама возглавила герцогство, а также обрела истинную любовь, сколько бы она ни отрицала свои чувства к Анри.

Следующая сказанная Сильвией фраза вернула герцога к действительности:

– Не думаю, что вы имеете обыкновение разгуливать по своему замку в одном халате. Да и леди Жизель сообщила мне, что капитан Люнг приехала переговорить с вами. Вы еще томитесь по ней?

Максим сгреб свою дипломатическую почту и сунул ее в руки Сильвии.

– Я собираюсь жениться на ней.

– Мадам сообщила мне, что у короля имеется иное мнение на этот счет.

– А не поиметь бы Джулиану чью-нибудь задницу? – прорычал Максим.

Сильвия рассмеялась и положила почту на сетчатый стул.

– Прекрасная капитанша совершает большую ошибку, отвергая и вас, и меня.

– Она не любительница женщин, – возразил герцог. – Она заинтересована лишь во мне, я это точно знаю.

Сильвия сделала шаг по направлению к нему, затем еще один и положила свои маленькие ладони на его плечи.

– Спокойствие, – сказала она.

– Время мое стремительно подходит к концу! – воскликнул Максим. Он вовсе не собирался в этом признаваться, но мягкое прикосновение Сильвии к его коже лишило герцога присутствия духа.

Руки женщины скользнули вниз по его телу, распахивая полы халата.

– Вам должно помочь, – сказала она. – Не бойтесь, я делаю это исключительно из сострадания к вашему печальному виду, а к завтрашнему утру уже все забуду. Позвольте мне помочь.

– Я могу...

– Тише, пожалуйста. Мне это, во всяком случае, точно доставит удовольствие. Давно мечтала сжать руками ваш фаллос. – Верная своему слову, она тут же обхватила его член обеими руками и осторожно провела по нему ногтями. Максим задохнулся от неожиданности. – Не теряйте бдительности.

Максим пребывал в возбуждении уже долгое время, поэтому от касания пальцев Сильвии плоть его тут же приобрела твердость. Ощущая ее прикосновение, он закрыл глаза:

– Сильвия, тебе вовсе не обязательно...

– Никогда еще не встречала столь отчаянно сопротивляющегося мужчину, как вы! Даже Анри себя так не вел! – Хватка ее изменилась, и Максим посмотрел вниз. Сильвия опустилась перед ним на колени и в задумчивости произнесла: – У вас самый большой член, который мне когда-либо приходилось видеть.

– Да, наслышан, – угрюмо отозвался герцог. – Я уже подумываю о том, чтобы пожаловать своему мужскому достоинству титул и земли, а также кольцо с печаткой и, возможно, даже заказать в его честь гимн у музыкантов.

Женщина не обращала ни малейшего внимания на его неуклюжую попытку пошутить.

– Уверена, я смогу заглотить его, – добавила она.

– Сильвия! – воскликнул Максим, отступая на шаг с осторожностью из боязни, что она не разожмет пальцы. Или, наоборот, из боязни, что отпустит его. – Разве у тебя больше нет никаких дел?

– Вы выглядите таким напряженным. Хотите, чтобы я доставила вам удовольствие?

Ее прикосновение было восхитительным. Она, конечно, не Имена, но...

– Да?

Крепко держа его член обеими руками, Сильвия принялась лизать его головку.

– Мне нужен внятный ответ, – не унималась она, продолжая работать языком и губами.

– Хорошо! Продолжай!

– Именно это я и хотела услышать, – одобрительно заметила женщина, снова беря в рот головку его члена. Язык ее скользнул в отверстие, и Максим в ответ сжал руками ее плечи, ощущая под пальцами кожу. От Сильвии и пахло кожей с примесью аниса и марципана, что было совсем не похоже на запах Имены.

Его плоти сейчас мог бы касаться язык Имены, если бы она этого захотела. Ее полные губы сжимались и разжимались бы вокруг головки его члена, а нежный язык ласкал бы крайнюю плоть. Ей понравилось, когда он гладил ее по голове. Он мог бы повторить это, касаясь ее ладонями и кончиками пальцев, слегка

царапая кожу.

Сильвия. Максим был вынужден напомнить себе, что рядом с ним находится Сильвия, а не Имена. Он позволил ей сосать свой член, потому что это все же было лучше, чем мастурбировать в одиночестве в своих покоях. Он хотел было сказать Сильвии, как ценит то, что она делает для него, но она была так опытна, что он не мог подобрать слов. С губ Максима сорвался стон, и женщина одобрительно погладила его по бедру.

– Сильвия... – начал он.

– Да, ваша светлость?

Она принялась покусывать его крайнюю плоть, продолжая ласкать фаллос обеими руками, что давало не такие сильные ощущения, как сосание, поэтому Максим перевел дух.

– Теперь всякий раз, глядя на то, как ты ешь, я буду вспоминать эту сцену, – произнес он.

– Знаю. – Она наградила его шлепком по ягодицам. – Думаю, вам понравятся быстрота и натиск.

– Да, ты права, – согласился герцог, думая о том, что быстрота и натиск помогут ему искоренить мысли о женщине, заполучить которую он не в состоянии.

Сильвия отпустила его член и вонзила пальцы в ягодицы:

– Вы по уши влюблены в капитаншу, не так ли?

– Продолжай свое дело, Сильвия. Ты будешь сосать или нет?

Женщина ущипнула его, отчего по плоти его пробежала волна изысканного удовольствия. Она приняла его член в рот, безжалостно терзая самое чувствительное место. Мгновения спустя все мысли Максима исчезли, сменившись сильнейшей потребностью освободиться.

Его захватила волна мощного оргазма, заставившего тело выгибаться с каждым спазмом. Задыхаясь, Максим протянул руки и схватился за крышку стола. Кожу его омывали волны тепла, дарующие желанное облегчение, но и растущее отчаяние.

– Благодарю тебя, – обратился он к Сильвии, все еще сидящей на ковре. Она в ответ самодовольно ухмыльнулась. По крайней мере, она получила от происходящего удовольствие. – Теперь твоя очередь, – добавил он.

Сильвия встала, утирая рот тыльной стороной ладони.

– Вы уже жалеете о том, что допустили это, правда?

– Разумеется, нет! – запротестовал Максим. – Ты восхитительна, Сильвия. Чего ты хочешь от меня? Того же самого? Или ты бы предпочла, чтобы я доставил тебе наслаждение другим способом?

Женщина рассмеялась:

– Я же вижу по вашим глазам, что вас терзает чувство вины. Вы не хотите меня прямо сейчас. Капитанша ничего вам не дала, но вы тем не менее намерены хранить ей верность. – Она вынула из кармана жакета носовой платок и вытерла им уже опавший член Максима, действуя чуть более грубо, чем ему того хотелось бы. – Вы как девица, терзаемая первой любовью. – Она притянула его к себе и одарила быстрым крепким поцелуем. – Мне уже приходилось становиться свидетельницей бесконечных проявлений страсти мадам и Анри по мере развития их чувства. Наблюдать схожие признаки у вас мне еще более прискорбно.

Отлично, подумал Максим, ему не позволено даже заняться ни к чему не обязывающим сексом, чтобы утешиться.

– Понимаю. Так я свободен?

– Да, ваша светлость, – ответила Сильвия и погладила его по бедру. – А теперь прошу меня извинить. В моих покоях меня ожидает парочка ваших самых рослых лакеев. И один коротышка – тот самый, который отлично умеет работать языком.

Герцог поморщился:

– Я предпочел бы не знать, что ты вытворяешь с моими людьми.

Сильвия показала ему язык:

– Можете снова прибегнуть к моим услугам, когда прекрасная капитанша бросит вас одного, босого, в каком-нибудь чужеземном порту. И тогда я задумаюсь – всего лишь задумаюсь – о том, чтобы привязать вас к кровати ради собственного удовольствия.

Глава 4

Имена потеряла всякий интерес к купанию. Как только убедилась, что Максим действительно удалился, она вытерлась насухо, оделась и вернулась на свое судно, испытывая огромное облегчение от ощущения качающейся палубы под ногами. Четри ушел, так же как и половина команды, чтобы весело провести время, слоняясь по лавкам купцов, публичным домам и купальням, наслаждаясь безнравственным отпуском на суше. Имена могла бы поступить так же. Ураганом ворвавшись в свою каюту, она поспешно сняла с себя бирюзовый мундир и бросила его на широкую койку.

– О нет-нет, капитан, вы погубите его!

Норис, служанка Имены, вбежала в каюту, протягивая вперед руки, будто одним усилием воли могла уберечь мундир от того, чтобы он не измялся. Поднырнув под руку Имены, она схватила мундир и прижала к своей плоской груди. Невысокая и узкобедрая, Норис носила длинные рыжие волосы склотыми в узел на затылке бесчисленным множеством шпилек. На лицо ее была искусно нанесена косметика. В действительности этот человек был мужчиной, который с ранних лет одевался в женскую одежду и сейчас мог похвастаться лучшими нарядами, чем сама Имена. Пошитый у первоклассного портного зеленый камзол и широкие шаровары явно превосходили по изяществу большую часть имеющейся у капитана одежды. К тому же Норис виртуозно пользовалась нарядами самой Имены.

Имена стянула через голову выцветшую нижнюю рубашку:

– Хорошо, убери все это. Какое-то время парадное облачение мне не понадобится.

Норис отнесла шелковое одеяние к столу, на котором Имена составляла карты, и тщательно расстелила его на стеклянной столешнице.

– Я собрала для вас сундук вещей, чтобы вы могли взять его с собой в замок.

– В замок я возвращаться не собираюсь.

– Но Четри сказал...

– Я уже увиделась с его светлостью, а сейчас собираюсь навестить Саньи. – Имена взяла льняные брюки, лежащие в сундуке сверху, и натянула их поверх своих панталон длиной до колен. – Где мой камзол?

– Висит в гардеробе, – ответила Норис. – Я разгладила на нем складки. Негоже капитану сходить на берег в мятом наряде.

Имена открыла бамбуковую дверцу гардероба и тут же увидела свой простой черный камзол, идеально отглаженный и благоухающий лавандой. С верхней полки она взяла кепку с козырьком и надела ее на голову, чтобы скрыть глаза.

– Его светлость нанял меня не за элегантный вид, – скривившись, заметила она.

– Согласна, не за это, – подмигивая, ответила Норис. Имена запустила в нее своей нижней рубашкой.

Несколько минут спустя Имена уже снова шагала по улицам города. Оказавшись вне портовой зоны, она, по своему обыкновению, становилась излишне подозрительной и то и дело ловила на себе взгляды, большей частью любопытные, но также и враждебные, и настороженные. Она поспешила нанять пони-экипаж и назвала адрес Саньи. Откинувшись на подушку сиденья, она прикрыла глаза, стараясь заменить образ Максима, стоящий перед ее мысленным взором, на образ Саньи. Это оказалось труднее, чем она думала.

Тело Саньи она видела множество раз, а вот обнаженного Максима – очень редко, но воспоминания о его мускулатуре, запахе кожи и волос были сейчас очень свежи в ее памяти. Подумав о том, как руки его касались ее тела, она почувствовала, как увлажнилось в ответ ее лоно. Если бы только он не был герцогом. Если бы только...

Дом Саньи примыкал к его свечному магазинчику. На этот раз двое его сыновей не играли на поросшем травой заднем дворе, где Саньи держал дойную козу. Поморщившись, Имена вспомнила, что мальчики отправились погостить к своей тете в глубь страны. А она так мечтала поиграть с ребятами! Имена вошла в магазин и увидела там помощника Саньи, чинившего прилавок. Не говоря ни слова, она снова вышла на улицу.

Имена нашла Саньи в его мастерской. Он устанавливал компас в новый защитный корпус, выполненный из тонких разноцветных дощечек. Навигатор в ее душе залюбовался его искусными руками. В юности, плавая на корабле «Морской тигр», Имена служила подмастерьем у выдающегося мастера, который научил ее основам приборостроения и привил уважение к людям, занимающимся этим непростым делом.

Она прислонилась к дверному косяку и некоторое время молча наблюдала за тем, как работает Саньи. Он был высоким мужчиной с темно-коричневой, как у Четри, кожей, узкими сутуловатыми плечами и копной роскошных черных волос, которые собирал в хвост на затылке. Густые угольные ресницы придавали его глазам жесткое выражение, никак не соответствующее его мягкой натуре. Имена находила внешность Саньи успокаивающей. Руки его в работе были такими же нежными, как и при прикосновении к ее коже.

Дождавшись, когда он отложит компас в сторону, она прочистила горло, чтобы привлечь его внимание. Саньи поднял голову и улыбнулся:

– Имена. Я слышал о прибытии «Морского цветка».

– Да. – Она открыла было рот, чтобы спросить, могут ли они провести вместе вечер, но вместо этого выпалила: – Саньи, мне кажется, нам не стоит больше видеться.

Дружелюбное выражение его лица сменилось мягким разочарованием.

– Это очень неприятно для меня, но... Ты встретила кого-то еще?

– Да, – ответила Имена, понимая, что нужно сказать правду. То, что она не могла физически заполучить Максима, вовсе не означало, что он не господствовал в ее мыслях, заполняя своим образом каждую клеточку ее тела. – Ты мне очень нравишься, Саньи, – призналась она. – И ты, и мальчики тоже. Но...

– Я понимаю, – перебил он. Встав со стула, он взял руку Имены и принялся целовать ее пальцы. – Должен признаться, что намереваюсь... э-э-э... жениться. Дать моим сыновьям мать. Я не был уверен, что ты на это скажешь.

Несколько недель назад Имена ответила бы согласием.

– Мальчикам нужна мать, которая всегда будет рядом с ними, – произнесла она. – Ты и я... нам хорошо вместе, но... – Она взяла руки Саньи и запечатлела на них поцелуй. – Тебе нужна женщина, которая всегда будет рядом, – повторила она. – Разве не так? Ты просто не говорил об этом вслух.

– Да, – согласился Саньи, заливаясь румянцем. Он погладил Имену по щеке. – Но ты, по крайней мере, останешься на ужин?

– Не могу, – ответила она. – Мне нужно увидаться с Четри по важному делу. – Помедлив мгновение, она опустила руку в карман камзола и извлекла оттуда небольшой холщовый мешочек. – Я привезла мальчикам зубы акулы. Напомни им, что они очень острые.

– Непременно, – сказал Саньи. Принимая у нее из рук мешочек, он не коснулся ее пальцами. – Ребята будут скучать по тебе, – добавил он. – Станешь их навещать время от времени?

К горлу подступил комок, но Имена все же кивнула.

– А еще в мешочке есть жемчужина для тебя, – продолжила она. – Черная, как ты любишь.

– Благодарю, – произнес он. – Всякий раз, надевая ее, я буду вспоминать о тебе. – Он спрятал мешочек в карман брюк и сказал: – Знай, что ты всегда будешь

желанной гостьей в моем доме, по какой бы причине ни явилась.

– А тебе всегда будут рады на «Морском цветке», – ответила Имена и, глубоко вдохнув, добавила: – Прощай, Саньи.

– Хорошего плавания, Имена, – произнес он, нежно целуя ее. Они обнялись напоследок и простояли так долгое время, а потом она зашагала прочь, испытывая смешанные чувства сожаления и облегчения.

Не желая возвращаться на корабль, Имена бесцельно бродила по улицам до наступления темноты. Она заметила Серетсе, судового плотника, покупающего пригоршни отборных стальных игл на открытом рынке. С их помощью он станет делать татуировки. Дважды попадались ей члены ее экипажа, веселящиеся от души. Казначей Арионрод бродил по ночному рынку в компании кока по прозвищу Одноглазый, его учеников и прочей молодежи. Позже Имене встретилась неунывающая компания моряков под предводительством оружейницы Набхи и ее неофициального кавалера Куана. Они смеялись и болтали, сидя под навесом кофейни. Витающие вокруг соблазнительные запахи жареных бобов и медовых сладостей почти заставили Имену остановиться, но она упрямо продолжала двигаться вперед по мощеной улице, не обращая внимания на боль в босых, покрытых мозолями ступнях.

Ноги сами привели ее к скоплению плавучих таверн, стоящих на приколе в дальнем конце порта. Разрешение на открытие подобных заведений на воде стоило дешевле, чем на суше, да и посетители могли попадать в них не только со стороны порта, но и прямо с лодки, сохраняя анонимность, если того требовало их дело. Имена регулярно заходила в плавучие таверны и публичные дома в каждом порту, чтобы разузнать информацию для Максима, но в этих заведениях ей бывать не приходилось. Она полагала, что люди здесь держат ухо востро.

Вырезанная из дерева и покрашенная краской вывеска таверны «Чернильный кальмар» изображала моллюска с длинными, похожими на фаллосы щупальцами, которых точно не могло существовать в природе. Изнутри доносился гомон людских голосов и стук пивных кружек по деревянным столешницам. Имена учуяла запахи кислого вина и жарящегося на свином сале хлеба. Следующая за этой таверна с ярко освещенным фонарями входом на вид была более приветливой. Имена непременно пошла бы туда, если бы искала уюта.

Но она выбрала «Кальмара» и переступила низкий порог, отведя в сторону занавес из морских раковин. Палуба была липкой от пролитого вина и сосновой смолы, и Имена тут же пожалела, что не обута. Замерев у входа, она охватила взглядом помещение. Казалось, оно было предназначено исключительно для того, чтобы напиваться, хотя желающим могли предложить на закуску жареный хлеб. В таверне имелся настил с установленными на нем в ряд бочками. У этого настила стоял парнишка, ловко наливающий вино сразу в несколько высоких кружек. Посетители толпились по другую сторону, стремясь занять лучшие места. Поношенная одежда с заткнутыми за пояса кожаными перчатками или рукавицами выдавала в них портовых грузчиков и носильщиков. Двое мужчин, сидящих в дальнем углу, были обнажены по пояс и гладко выбриты, как и сама Имена, и по их большим татуировкам на плечах она догадалась, что это ныряльщики. Таких людей нередко нанимали перерезать намертво застрявшие якоря, очищать днища судов или доставать со дна оброненные предметы. Имена не заметила ни одного известного ей шпиона Максима. Мгновение спустя она осознала, что в таверне нет ни одной женщины. Принимая во внимание вывеску, она решила, что это мужское логово, предназначенное для связей на одну ночь или еще более короткое время. Отлично. Никому не придет в голову искать ее здесь.

Шум доносился из соседней комнаты, большей по размеру и битком забитой высокими узкими столиками, на каждом из которых могло поместиться лишь несколько кружек. Среди столиков ловко сновал парнишка с подносом на голове. Имена призвала его щелчком пальцев. Она не протянула ему кружку, и парень, пробормотав: «За аренду кружки – дополнительная плата», выжидающе вытянул испачканную сажей руку.

Имена вложила в нее три медные монеты.

– За койку внизу четыре медяка, но ночевать нельзя.

Имена покачала головой, так как не имела намерения снимать укромный уголок. Парнишка спрятал монеты в карман, снял с пояса кружку и ловко наполнил ее вином, а затем нырнул под барную стойку за новой бутылкой. Имена незаметно понюхала вино – ужасное! – и, притворяясь, что пьет, стала пробираться к дальней стене.

Никто не обратил на нее внимания. Кепка скрывала ее примечательное лицо и татуировки на черепе, а свободного покроя одежда – женскую фигуру. Ни одному из присутствующих не пришло в голову посмотреть на ее покрытые татуировками ступни. Имена была достаточно высокой и стройной, чтобы сойти за мужчину. Собственная анонимность добавляла ей уверенности в себе. Она лавировала между сидящими за столиками постоянными клиентами, направляясь к дальней стене помещения, где одна перегородка крепилась на шарнирах, чтобы обеспечить приток свежего воздуха. Имена вышла на палубу.

Здесь один из грузчиков замер, прислонившись к стене, а другой стоял перед ним на коленях, очевидно только что закончив ублажать приятеля и теперь начисто вылизывая его член. Не обратив на Имену ни малейшего внимания, мужчины спрятали фаллосы и скрылись в помещении. Осмотревшись, Имена не обнаружила никого, притаившегося в темном углу, куда не проникает свет ламп.

Если бы она прислушалась к голосу разума, то, желая уединиться, немедленно убралась бы подальше от этой таверны. По ночам мало кто отваживался путешествовать даже по главной дороге, ведущей к замку герцога, поэтому она могла бы с комфортом разместиться под любым деревом и не пить это вино, больше похожее по вкусу на растворитель краски. Но в таком случае ей не будут слышны неспешные удары волн о борта судна и покачивание палубы под ногами.

Отставив кружку в сторону, Имена села, перекинув ноги за борт, зацепившись одной рукой за колышек, а ступни уперев в канат, протянутый вдоль борта. Она вдохнула соленый морской воздух, стараясь не думать о Максиме. На берегу ей нужно провести только сегодняшнюю ночь, а завтра, возможно, она наймет легкое судно, чтобы плавать на нем в одиночестве или вдвоем с Норис, которой не повредит несколько уроков по управлению судном. Имене предстояло нанести визит в анклав натуралистов, обитающих ниже по побережью. У нее имелись образцы смолы и засушенных цветов и листьев, а также семян, которые она намеревалась им показать. Многие, вероятнее всего, окажется интересным только с точки зрения дальнейшего изучения, но что-то могло стоить немалых денег. Имена связывала особые надежды с некоторыми видами смол, продажа которых значительно увеличила бы долю прибыли и ее самой, и команды. Помимо этого, торговля давала отличную возможность собрать информацию в среде людей, которые почти не имеют связи с герцогством. Новый вид смолы мог оказаться не только дорогостоящим, но и обладать лечебными свойствами, как, например, бальзам, который она привезла из своего последнего плавания.

Мерное покачивание судна убаюкало усталую женщину, и она задремала. Ей приснилось, что Максим сидит на палубе позади нее и просит называть его по имени, затем она проснулась и поняла, что действительно несколько раз слышала, как кто-то произнес имя герцога.

Легкий ветерок доносил до нее обрывки фраз. Мужской голос с сильным акцентом сказал:

– Джулиан щедро наградит меня, если я заставлю Максима повиноваться.

Речь идет о короле Джулиане? И о нем говорят столь неофициально? Максим сообщил Имене, что король недавно отправил к нему посланника. Был ли это тот самый человек или кто-то другой?

Второй мужской голос, также с акцентом, был едва различим. Имена услышала лишь обрывки его ответа:

– Твое дело... Она не станет... Я мог бы... – Далее шло лишь невнятное бормотание, затем были четко произнесены слова «несчастный случай».

Имена напряглась всем телом. От мужчин, шепчущихся о несчастных случаях, ничего хорошего ждать не приходится. И кто такая эта она? Чего она не станет делать? Подстраивать несчастный случай? Или платить за возможность его совершения? Или речь шла о чем-то совершенно ином?

Имене не удалось понять, откуда доносятся голоса. Мужчины могли находиться за большой кучей канатов прямо напротив того места, где она сейчас сидела, а могли быть и на соседнем судне. Имена не решалась двинуться с места, чтобы не выдать своего присутствия.

Первый голос произнес:

– Я все здесь устрою. А ты можешь вернуться обратно и дать мне знать, если появятся новости.

– ...Король спросит?

Итак, они действительно говорили о правителе.

– Запомни, ты ничего не знаешь. Я сам позабочусь об этом волоките Максиме. А когда заполучу его герцогство, то награжу тебя так, как ты и мечтать не мог.

Послышался звон монет, гораздо более отчетливый, чем разговор. Имена поняла, что герцог в опасности, и, не раздумывая больше ни секунды, перелезла через борт судна и стала спускаться по канатам до тех пор, пока ступни ее не коснулись воды. Стараясь производить как можно меньше шума, она сделала серию вдохов и нырнула в холодную воду, продолжая держаться одной рукой за корпус судна, чтобы не потерять ориентир.

Ей нужно как можно быстрее предупредить Максима. Но прежде необходимо отыскать Четри.

Глава 5

После ухода Сильвии Максим распорядился о том, чтобы ему наполнили ванну в его личных покоях, но вопреки ожиданиям купание не навело на него сонливости. Он отослал слуг и несколько последующих часов провел за столом, читая бухгалтерские отчеты последних дней, а также ставя свою печать на различные разрешения, таможенные декларации и заказы поставок товаров в замок. Все эти бумаги были скрупулезно подготовлены для него тетей Жизель и двумя ее отпрысками, которых она обучала в духе бюрократизма. Максим старался не думать о том, как мало здесь нуждаются в его присутствии, а также о том, что он не сумеет скрыть от Джулиана состояние дел герцогства, потому что все документы были легальны и открыты для проверки.

Быть герцогом вовсе не значило чувствовать себя свободным, как он рассчитывал, а, наоборот, связывало его по рукам и ногам. Временами его искушала мысль о побеге. Он мог бы отправиться в порт и уплыть на корабле куда глаза глядят.

Максим перешел к подносу с письмами, уже вскрытыми и готовыми для прочтения. Как он и боялся, Джулиан не стал дожидаться его официального

отказа Диаманте, и направил к нему еще одного посланника.

Взгляд Максима упал на стопку нормативных актов, собранных им. Герцог подумал о том, что ему придется выделить нескольких секретарей для работы с этими документами. По крайней мере, с них нужно снять копии. Так как никто его сейчас не видел, он позволил себе спрятать голову в ладони и разразился цветистыми проклятиями. Ему совсем этого не хотелось, но все же с завтрашнего дня придется засесть за тома официальных текстов. Сейчас же Максим занялся тем, что написал ответы на некоторые из писем Камиллы и одно послание личного характера от Анри, которого он тоже стал считать своим другом. Герцог даже подумал о том, чтобы поделиться с Анри своими опасениями касательно женитьбы, но что ему может посоветовать этот мальчик? Анри едва исполнилось двадцать, и, хотя он был признан законным супругом Камиллы, его ситуация сильно отличалась от ситуации самого Максима.

Покончив с корреспонденцией, герцог вытер свое кольцо с печаткой и положил его на специальное блюдо рядом с резным оттиском с тем же дизайном, что и печать, – осьминог, обвивающий щупальцами первую букву его имени. Герцог задул свечу, сбросил халат на спинку стула и обнаженным отправился к себе в спальню. Пол, подогреваемый поставляемой по трубам водой из горячих источников, приятно ласкал ступни. Иногда Максим ложился на теплые плитки, подкладывая под голову подушку и мысленно повторял все случившиеся за день события. Сегодня же он намеревался сразу лечь спать, надеясь, что сон упорядочит его мысли касательно Имены Люнг и подскажет, как можно убедить ее выслушать точку зрения Максима.

Кровать с изящным резным изголовьем манила его в тусклом свете единственной свечи. Слуги тщательно взбили набитый гусиным пухом матрас и подушки, а также попытались аккуратно сложить гору книг в кожаных переплетах и свитки в продолговатых футлярах, лежащие у изголовья кровати. Это им, однако, не удалось, и стопка угрожала в любую минуту пролиться водопадом материалов для чтения на пяти языках.

Максим не обращал внимания на беспорядок в комнате, потому что редко развлекался с кем-то здесь, выбирая местом своих любовных утех купальню или смежные покои. Так ему проще было держать своих партнеров на расстоянии. Единственной женщиной, которая побывала в его постели, была Камилла, но она не шла в счет. Они так давно знали друг друга, что Максим не рассматривал ее

только лишь как сексуальную партнершу, кроме того, ему было отлично известно, что она влюблена в своего конюха Анри. Именно поэтому герцог и допустил ее в свою спальню и позволил увидеть царящий там хаос. Он знал, что Камилла не станет просить у него больше того, что он может и хочет ей дать.

Как это ни странно, после того как они разделили ложе, подтвердив таким образом свои отношения, Максим понял, что любовниками им не быть. Как струна, натягиваемая десятилетиями, наконец лопается, так и его жгучая страсть к этой женщине мгновенно испарилась. Он был рад, что у них с Камиллой много общего и что они сумели остаться друзьями.

Сейчас Максим не обратил внимания на книги – даже на прочитанный им до середины юридический трактат по семейному праву и справочник, дающий советы о том, как ориентироваться по звездам, написанный на языке Империи горизонта. Как и любой аристократ его герцогства, Максим с детства изучал этот язык, но чтение все равно давалось ему с трудом, потому что книга изобиловала технической терминологией, не употребляющейся при заключении торговых сделок. Он не продвинулся дальше введения и надеялся попросить Имену помочь ему разобраться в этом вопросе. Она училась ориентироваться по звездам и, как подозревал герцог, была наделена умением передавать знания.

Задув свечу, Максим скользнул под мягкое хлопковое покрывало. Он бодрствовал с восхода солнца, ожидая приезда Имены. Едва он закрыл глаза, как провалился в блаженный сон.

Проснулся он от знакомого прикосновения и запаха – рядом с ним стояла Имена. Он слабо улыбнулся, потому что был рад ее присутствию в своей спальне. Ее загрубелая рука закрыла его рот.

– Свяжи ему ноги, Серетсе, – приказала она.

Максим часто заморгал, чтобы яснее видеть происходящее. Один моряк с силой держал его за лодыжки, а другой схватил за плечи, как только Имена отняла руку от его лица.

– Тише, – произнесла она приглушенным голосом. – Не сопротивляйтесь.

Максим даже вообразить не мог, что она любительница подобного рода игр, но он был готов поучаствовать в этом, даже когда двое моряков уложили его на источающий запах корицы шерстяной ковер и стали заворачивать. Герцог попытался поднять руку, чтобы убрать ткань с лица, но понял, что крепко связан.

– Имена...

До его слуха долетел звук открываемой в другой комнате двери.

– Тихо! Четри, ты нашел посланницу?

– Да, капитан, вот она.

Максим услышал приглушенный смехок, затем голос Сильвии:

– Так-так-так, капитан. Значит, вы все-таки возжелали его. Вот уж никогда бы не подумала, что ваши люди возьмут и унесут герцога.

– Слушай меня внимательно, Сильвия, – произнесла Имена. – Четри, иди с Серетсе и Куаном.

Максим испытал облегчение. Имена собирается сообщить Сильвии свои планы касательно него. Она может играть в любые игры, но не станет поднимать шумиху в его замке. Он вспомнил, что через день или два должен прибыть посланник от короля Джулиана, и снова начал сопротивляться. Кто-то – возможно, Имена – пнул ковер босой ногой и приказал:

– Унесите его прочь отсюда!

Герцог подозревал, что даже такая изощренная игра, как эта, вряд ли продолжится дольше одного дня и ночи, и, если посланник прибудет именно в это время, ему непременно пошлют сообщение. В действительности у него было много работы, но ухаживание за своей будущей женой стояло в этом списке на первом месте. Максим откинулся на пахнувший специями ковер – прикосновение мягкой шерсти к обнаженной коже напомнило ему его прошлые похождения – и позволил морякам беспрепятственно вынести себя из спальни в коридор.

Насколько он мог судить, из замка моряки вышли через одну из боковых дверей и погрузили его, все еще завернутого в ковер, на телегу. Максим услышал фыркание пони. Двое мужчин взгромоздились на сиденье, сместив центр тяжести повозки, а третий – возможно, Четри – остался с Максимом. Герцог отчетливо ощущал вес руки этого человека прямо поверх своих гениталий. Максим ухмыльнулся, думая о том, примет ли Четри участие в вечернем развлечении. Если Имена не будет иметь ничего против этого, то он и подавно не станет возражать.

Вскоре запахло морем. Четри и двое других сняли ковер с тележки и понесли в порт, шлепая босыми ногами по доскам настила. Почувствовав, что к нему цепляют трос для поднятия грузов, Максим хотел было протестовать, но передумал, вспомнив отведенную ему в этой игре роль. Имена велела ему вести себя тихо, именно так он и намерен поступать.

Герцога возбуждал этот новый опыт – оказаться сначала поднятым в воздух, потом погруженным в лодку, которая прошла некоторое расстояние на веслах, затем снова поднятым и быть погруженным, как он полагал, на борт «Морского цветка». Ситуация представлялась ему особенно волнующей еще и потому, что он не мог ничего видеть, не был в состоянии пошевелить даже пальцем. Он полностью лишился контроля над происходящим. Имена оказалась на удивление изобретательной. Герцог понял, что не ошибся в ней и что выбор его был верен.

Взвалив ковер на плечи, моряки спустились на несколько ступенек, и Максим предположил, что они сейчас находятся где-то под каютой капитана. Он помнил это помещение с низким потолком, который можно было устанавливать на различную высоту. Иногда оно использовалось для перевозки пассажиров, иногда – грузов, сейчас здесь сильно пахло мангустаном и сельскохозяйственными животными, содержащимися в нижнем ярусе. Ковер внесли в тесный закуток – возможно, временную каюту – и положили на пол. Моряки поспешно удалились. Послышался грохот закрываемой двери и лязганье цепи. Света они не оставили.

Максим гадал, когда появится Имена, и является ли ожидание частью игры. Он не хотел до ее прихода оставаться завернутым в ковер, потому что в таком случае не сумеет предстать перед ней в лучшем виде – складки ткани начинали его раздражать. Сместив центр тяжести, герцог завожился, перекатываясь с одного бока на другой, и сумел ослабить складки ковра. Вскоре ему удалось освободиться.

Каюта оказалась совсем крошечной – ему едва удавалось вытянуться в ней в полный рост, а потолок был настолько низкий, что он не мог стоять не сутулясь. Не было здесь ни стула, ни койки, но кто-то приготовил для него пару брюк свободного покроя и одеяло, а также расстелил полотенце, на котором стоял кувшин с водой, лежали буханка хлеба, несколько апельсинов и завернутый в вощеную бумагу мягкий сыр, – это он определил по запаху. Света через щели в перегородке пробивалось совсем немного. Его ищущие пальцы вскоре нащупали эмалированную коробку, содержащую сладкий бальзам, возможно, из той же торговой партии, что и его аналогичный подарок Диаманте. Наличие провизии означало, что ожидание его может оказаться продолжительным, но его не хотят ни в чем ограничивать. Максим испытал облегчение, обнаружив, что кто-то догадался поставить и ночной горшок.

Он порадовался, что Имена сообщила Сильвии о его местонахождении. Он задвинул полотенце с едой в дальний угол и расстелил ковер, насколько это было возможно, оставив с одного конца валик, который мог бы сойти за мягкую подушку. Положив на него голову и накрывшись одеялом, Максим немедленно погрузился в сон.

Имена сунула в руки Сильвии наспех нацарапанную запись подслушанного ею разговора.

– Итак, в деле замешана женщина, но я не могу сказать ни каким образом, ни каковы ее намерения.

Сильвия состроила гримасу:

– Мы же говорим о его светлости. Эта женщина может оказаться любой из дюжины. Включая и вас, капитан Люнг.

– Это не я, – твердо заявила Имена. – Так ты позаботишься об этом? По крайней мере, до тех пор, пока ситуация не станет безопасной и мы не сможем вернуться обратно?

Приняв холодный и торжественный вид, Сильвия кивнула:

– Можете укрыться у мадам Камиллы, если потребуется.

– Не хочу подвергать его светлости опасности. Положение твоей госпожи все еще непрочное, не так ли?

– Герцогский совет начинает привыкать к ней, – ответила Сильвия и с усмешкой добавила: – Вы обещаете хорошо заботиться о его светлости? – Вопрос был задан игривым тоном.

Имена в упор посмотрела на собеседницу:

– Мне нужно идти, или упустим отливную волну и не сможем выйти в море.

Послышалось громкое мяуканье кошки.

Максим проснулся и в первый момент не понял, что изменилось. В каюте похолодало, и он плотнее закутался в одеяло. У его колен спал огромный рыжий кот.

Вцепившись в одеяло, Максим замер. Он почувствовал запах моря. Не порта, а именно моря. Согнувшись, он поднялся на ноги, несмотря на протесты кота. Мягкое покачивание под ногами не было похоже на то, когда корабль стоит на якоре в доке, так бывает, скорее когда корабль плывет, направляемый ветром и течением.

– Вот черт! – Максим подергал дверь, но она была заперта на цепь с болтами. Тогда он забарабанил в перегородку: – Имена! Капитан!

Удары его кулака глухо разносились по пустому трюму, лишенному какого бы то ни было груза. Разумеется, нет. У Имены не было на это времени. Половина ее команды развлекалась на суше. О чем она только думала, выходя в плавание при таких обстоятельствах? Он бы с радостью поразвлекся с ней в порту. Зачем она забрала его с собой в море? Возможно, они не успели отплыть далеко.

– Капитан!

Ответа не последовало. Как и поспешных шагов, приближающихся к двери. Потерев ушибленный кулак, Максим прислушался. Он различил шарканье ног по главной палубе, крики в отдалении, громкий скрип дерева, тяжелое

покачивание каната и хлопанье парусов. Снизу раздавались повизгивание поросят и возня кур, блеяние козы и печальное мычание дойной коровы.

Герцог и представить себе не мог, как раздражает быть всеми игнорируемым. Он мерил шагами узкую каюту, расхаживая все быстрее и быстрее. Он больше не был в настроении заниматься любовными играми, но мог бы согласиться на быстрый и жесткий секс. Что Имена задумала? Испытать его?

Если она достаточно долго продержит его взаперти, он пропустит посланника короля. А что будет со всеми ожидающими его вмешательства делами?

Возможно, ему и не хотелось ничем подобным заниматься, но все же он предпочел бы не быть лишенным права выбора.

Когда гнев его немного поутих, Максим опустился на пол и прислонился спиной к перегородке. Он сожалел о том, что не имеет при себе нормативных актов, ведь если он пропустит посланника, то ему могут потребоваться любые ссылки на официальные источники, чтобы остаться в чести у Джулиана. Но у него не было ничего, даже трактата по судоходству. Ему просто придется ждать, когда кто-то подойдет к его двери. Вот тогда он побьет Имену ее же оружием.

Но прежде нужно надеть брюки.

– Капитан! – закричал Четри. – Приближается судно!

Имена, совсем было собравшаяся спуститься вниз поговорить с Максимом, выругалась.

– Норис, возьми подзорную трубу и попытайся выяснить, что это за корабль.

– Слушаюсь, капитан. – Легко, едва касаясь ногами снастей, она вскарабкалась наверх.

Тихо, так, чтобы слышала только Имена, Четри произнес:

– Похоже на одномачтовое парусное судно короля.

– Бушприт им в задницу! – выругалась Имена. – Не думаю, что это визит вежливости.

– Считаешь, они намерены захватить его светлость силой?

Сделав глубокий вдох, Имена попыталась сосредоточиться на свежем бризе, щекочущем ее лицо и череп. Как и обычно, морской ветер оказал на нее успокаивающее воздействие. Здесь, на корабле, она была главной, и не только для команды, но и для себя самой.

– Герцогиня Камилла говорила мне, что король Джулиан – разумный человек, но я не знаю, какой смысл она вкладывает в понятие разумный. Она столько лет прожила с сумасшедшим мужем, приведшим герцогство в полный упадок. – Помолчав немного, она добавила: – По моему мнению, разумный король должен был сам отстранить от власти человека, не справляющегося со своими обязанностями, а не перекладывать это на плечи Камиллы.

– Кто знает, что творится в голове у этих венценосных особ? – заметил Четри. – Ее светлость герцогиня Камилла кажется очень опытной в своих суждениях, поэтому, возможно, она права насчет короля.

– Похоже, она доверяет ему, но... вне зависимости от того, послано ли это судно Джулианом или одним из тех мужчин, чей разговор я подслушала в «Кальмаре», или это вообще совпадение, я не могу позволить себе рисковать.

– На «Морском цветке» не будет никаких несчастных случаев, – заявил Четри, касаясь большого ножа у себя на поясе.

– Будет лучше, если мы не пустим их на борт.

Норис соскользнула вниз по канату и приземлилась у ног Имены.

– Это королевское судно, – сказала она, – не подает никаких сигналов.

Четри заметил:

– Они нас уже заметили, и ни для кого не секрет, что ты состоишь на службе у его светлости.

Пуститься в бегство или блефовать? Первое показалось Имене более подозрительным. Чем меньше возникнет вопросов о местонахождении Максима, тем в большей безопасности он будет.

– Мы позволим им подойти вплотную и станем блефовать, – отдала распоряжение Имена. – Ни под каким видом ни один человек с этого судна не должен спуститься в трюм.

– Капитан, – сказала Норис, – я могу перепрятать его светлость надежнее.

– Куда? – спросила Имена. – Нет, не отвечай мне. Не хочу выдать место, где он скрывается. Очень хорошо, Норис. Действуй как можно скорее, а потом возвращайся наверх.

* * *

Максим нетерпеливо ожидал, пока кто-то возился с цепью и замком на его двери. Когда она наконец распахнулась, он удивился, заведя стоящую на пороге Норис, служанку Имены.

– Что здесь происходит? – рявкнул он.

– Сюда, – сказала она.

Максим не тронулся с места, и она схватила его за запястье.

– Куда мы идем?

– У меня приказ поторопиться.

– Чей приказ? Капитана Люнг? Я плачу ей жалованье, знаешь ли. И тебе, соответственно, тоже, Норис.

Она продолжала тянуть его за руку, но Максим уперся ногами в пол и не двинулся с места.

– Никакой спешки в действительности нет, не так ли? Особенно принимая во внимание, что она бросила меня здесь чуть ли не на всю ночь.

– Ваша светлость, пожалуйста, – взмолилась Норис, отпуская его запястье.

Максим подумал о том, что Имена вряд ли станет бранить свою служанку за то, что он отказывается повиноваться, но, видя расстроенное лицо Норис, он со вздохом произнес:

– Ну ладно.

Он раскаялся в своем решении, едва завидев узкий тесный закуток, в который ему предположительно нужно было втиснуться.

– И это ты называешь каютой? – воскликнул герцог. Помещение по размеру было чуть больше платяного шкафа и содержало лишь гамак да большой сундук. – Ты что, контрабандой занимаешься? А капитан знает? Конечно же она должна...

– Просто прячьтесь здесь! – Норис попыталась поднять тяжелую крышку люка.

– Там хоть воздух есть?

– Достаточно. Это ненадолго, обещаю.

Еще одно испытание? Неужели Имена в самом деле испытывает его искренность? Максим был согласен сделать гораздо больше, чем притвориться контрабандным товаром, если в конце концов он все же заполучит Имену. Он опустил люк и оказался в крошечном помещении с сильным запахом ценной смолы, хранящейся там. Норис захлопнула крышку и плотно забила ее на место. Максим оказался в теплой ароматной темноте.

Имена изо всех сил старалась придать своему лицу скучающее выражение, пока первый помощник капитана проверял документы, переданные ему казначеем

Арионродом. Четри стоял рядом с ней и жевал смолу. Руки его были сцеплены в замок за спиной. Выглядел он вполне расслабленным, но Имена знала, что в любую секунду он может выхватить нож. Несколько человек из ее команды выполняли незначительные поручения неподалеку, а большую часть молодых матросов Имена в целях предосторожности отослала вниз на грузовую палубу. Если она почувствует неладное, помощник капитана и его команда тут же будут захвачены в заложники. В худшем случае развития событий она может попросить дипломатической неприкосновенности, чтобы выиграть время.

Имена могла также нанести помощнику капитана удар, якобы оскорбившись его откровенно оценивающим взглядом. Нож, прижатый к гениталиям, несомненно, научит его уважать женщин.

Закончив изучать второй лист, помощник капитана вернул документы Имене, которая тут же спрятала их в футляр.

– Как видите, мы работаем на герцога Максима.

– У вас предписание оставаться в порту еще целую неделю. Почему вы так рано вышли в море? Да еще без полного груза?

Он смотрел Имене не в лицо, а на грудь, хотя она была затянута в корсаж и скрыта под свободного края рубахой. Стараясь не выдать владеющих ею эмоций, женщина ответила:

– Причины личного характера.

– Причины личного характера, побудившие вас спешно собрать свою команду и выйти из порта в первые часы после полуночи?

– Я хотела поймать отлив, – просто ответила Имена. – Мы здесь закончили?

– Мне очень любопытно, что же это за причины личного характера? – Теперь первый помощник капитана с улыбкой смотрел ей в лицо. Это был молодой человек с отличными зубами, симметричными чертами и блестящими волосами. Такой не потерпит отказа ни в чем.

– Оставайтесь при своем любопытстве, – сказала Имена. – Четри, проводи помощника капитана к его лодке. Мне нужно переговорить с Бонневи. – С этими словами она повернулась к рулевой рубке.

– Ну перестаньте, – раздраженно произнес их посетитель. – Могли бы, по крайней мере, предложить мне выпить.

Имена нахмурилась:

– Этого не требуется по закону.

Мужчина напрягся всем телом:

– Вот уж не думал, что вы строго следуете букве закона, капитан Люнг.

– Представления не имею, о чем вы говорите, – ответила она, почувствовав присутствие Четри рядом с собой.

– Всем известно, почему его светлость нанял вас. Вы пиратка.

Молниеносным движением Четри выхватил нож из чехла и сплюнул смолу под ноги помощнику капитана. Имена удержала его руку, не отрывая взгляда от лица своего посетителя. Она ощутила движение, которое быстро успокоилось, когда люди поняли, что драки не будет.

– Я была капером на службе у своего государства.

– Для нас это одно и то же. Мы станем пристально следить за вами.

– Как вам будет угодно. – Она продолжала удерживать руку Четри до тех пор, пока тот не спрятал нож. – Я не потерплю обвинений в пиратстве на моем судне и прошу вас его покинуть.

Максим никогда не боялся закрытого пространства, но с течением времени он чувствовал себя все более неуверенно в своем тесном закутке. Пол не был ничем выстлан, и, хотя занозы ему не попадались, ощущение было не из приятных. Крышка люка находилась почти на уровне его носа, потерявшего чувствительность от сильного запаха бальзамических смол. Максим с трудом дышал, внушая себе, что воздуха в помещении достаточно. Но в действительности это было не так. Ступнями Максим физически ощущал движение плотного спертого воздуха, а делая вдох глубже, он неизменно упирался в крышку люка. Вероятно, ему повезло, что на нем надеты только брюки: в своем привычном многослойном облачении ему пришлось бы гораздо хуже в этом закутке.

Максим открыл глаза, и ему немного полегчало. В его темницу не проникал ни единый луч света, но с открытыми глазами он все же чувствовал себя увереннее.

Сверху постоянно доносился какой-то шум: топот, удар о дерево, будто что-то тяжелое прибилось к корпусу «Морского цветка», снова шаги. Затем наступила тишина, сменившаяся новым звуком шагов, которые приближались к его укрытию. Наконец раздался благословенный звук открываемого люка у него над головой.

Как только крышку подняли, герцог заявил:

– Довольно с меня этих игр.

Сверху вниз на него бесстрастным взглядом взирал Четри. Лучи света играли на его ожерелье и многочисленных серебряных серьгах – их было гораздо больше, чем у любого придворного. Несмотря на все эти украшения, Четри явно не боялся, что кто-то назовет его щеголем. Он протянул Максиму покрытую мозолями руку.

Герцог, превосходящий габаритами первого помощника Имены, был удивлен, с какой кажущейся легкостью тот вытянул его вверх. Глядя на мускулистый торс Четри, густо покрытый черными татуировками, Максим задумался о том, нравится ли Имене изо дня в день созерцать этого представителя мужского рода.

– Насколько далеко в море ушло судно?

Четри осмотрел его с ног до головы, не удостоив ответом.

– Идемте со мной, – сказал он.

Максим не спешил повиноваться, поэтому помощник капитана схватил его за руку и дернул что было силы.

Вскоре герцог осознал, что они возвращаются в каюту, где его содержали прежде.

– Мне нельзя так долго отсутствовать, – произнес он. – Как бы мне ни хотелось остаться здесь, со дня на день я ожидаю прибытия королевского посланника.

– Позже я заберу вас отсюда, – сказал Четри, несильно толкая его в спину.

Максим схватил его за плечо, не давая захлопнуть дверь. Имена будет недовольна, если он соблазнит ее первого помощника, и сейчас Максим был решительно настроен вызвать ее недовольство.

– Вовсе не обязательно запирайте меня здесь.

– Боюсь, выбора у меня нет, – скривив губы в усмешке, отозвался Четри.

Максим сильнее сжал плечо Четри, стараясь вложить в этот жест как можно больше чувственности.

– Возможно, нам следует запереться здесь вдвоем.

Склонив голову, Четри прикусил кончики пальцев герцога:

– Я не доверяю ни себе, ни вам тоже, ваша светлость.

– Ты не пожалеешь. Подозреваю, ты вовсе не питаешь отвращения к мужчинам. И это очень мудро с твоей стороны.

Четри усмехнулся:

– Уверен, с вами я ни за что не пожалел бы об этом. – Осторожно убрав руку Максима со своего плеча, он отступил на шаг. – Капитан с вами хлопот не оберется, это уж точно. – С легкостью оттолкнув Максима, он закрыл дверь и прокричал через нее: – Попозже я принесу вам что-нибудь почитать. Хороший философский трактат. – Мгновение спустя раздался лязг цепи и щелчок замка.

Герцог подумал о том, что с его стороны было невежливо пытаться соблазнить первого помощника капитана, в то время как он намеревался убедить Имену выйти за него замуж. Но неужели она надеялась, что он станет прикидываться невинной девицей и покорно ждать ее дальнейших действий? К тому же зачем она заставляет его так долго томиться в ожидании?

Вероятно, ей стало известно о том, что они делали с Сильвией. Максим вздохнул. Это тоже было ошибкой. Как ему объяснить Имене, что, будучи с Сильвией, он воображал на ее месте саму Имену? Несмотря на то что Имена знала Сильвию и то, на что та способна, вряд ли она одобрит произошедшее между ними.

Да, должно быть, именно в этом и заключалась причина его нынешнего заточения. Имена узнала о том случае с Сильвией и решила заставить его заплатить.

Но неужели она не могла придумать... более приятный способ отмщения?

То, что Имене могло быть все равно, герцог не принимал во внимание вовсе.

Состроив гримасу, он опустился на одеяло и отломил кусок от оставленной ему буханки хлеба.

По мнению Имены, этот участок океана был чересчур оживленным. Она не исключала, что все дипломатические суда и рыболовецкие траулеры двигались, ведомые попутным ветром, но это означало, что все они заметят «Морской цветок» с характерной имперской оснасткой и герцогским флагом. Четри отдавал распоряжения экипажу, направленные на то, чтобы увести судно в сторону от главных судоходных путей, а Имена сидела в своей каюте,

склонившись над картами и намеренно оттягивая неизбежный разговор с Максимом. Узнав, что она выкрала его, чтобы уберечь от опасности, не посоветовавшись с ним, он придет в ярость. Женщина не хотела прямо сейчас испытать на себе силу его гнева. После того, что они делали в купальне и что Имена при этом почувствовала, она не была готова смотреть Максиму в глаза.

Здесь же Имена могла некоторое время поработать в тишине. Она занимала самую большую каюту на корабле, с просторной деревянной койкой, встроенной в нишу в стене, двумя сундуками, которые служили сиденьями, а также столом и стулом. В одной перегородке имелись застекленные иллюминаторы, на других красовались изображения исторических сражений. Несколько книг и длинный пеньковый канат, который Норис использовала для сушки белья, громоздились в корзине у двери, ожидая, когда их тщательно уложат, и отвлекая Имену от разложенных перед ней карт.

Проблема заключалась в том, что она понятия не имела, как долго будет сохраняться угроза жизни Максима. Сидя в трюме, он был в безопасности, но наверняка умирал от любопытства узнать, что происходит, и злился. Да, несомненно, он злится на нее.

Сильвия сообщит всю необходимую информацию леди Жизель, которая, как ожидается, сумеет сбить с толку любого заявившегося в замок королевского посланника, но сам Максим до сих пор пребывал в неведении о происходящем.

Несомненно, он понял, что случилось нечто неординарное. Он далеко не глуп и знает, что она действовала из самых благих побуждений. Он не сумеет долго на нее сердиться. Разговор с герцогом может и подождать.

Мысли Имены вернулись к навигации. Остаться в открытом море представлялось ей самым безопасным решением, но все же, двигаясь выбранным курсом, нужно будет время от времени заходить в порты, официальные или нет. Имена распланировала основное направление следования судна и два запасных варианта, а также сделала на полях пометки для Четри, затем прикрепила лист бумаги к столу и, осторожно свернув, убрала свои карты в водонепроницаемые футляры. Откладывать разговор с Максимом на еще более долгий срок не представлялось возможным. Имена решила, что отправится к нему, как только отдаст необходимые приказы.

– У нас недостаточно оснащения, – сообщил Четри. – Прошлой ночью мы загрузили дополнительный брус, но все же не хватает многого, что бы я предпочел иметь, особенно в случае, если плавание продлится так долго, как вы опасаетесь.

– Хочешь сказать, что я перестраховываюсь? – спросила Имена.

Некоторое время Четри молча обдумывал ответ, постукивая пальцами по рукоятке своего ножа.

– Нет, – наконец произнес он. – Не доверяю я особам королевских кровей, особенно если в деле замешаны деньги. Именно в этом и загвоздка – его величество жаждет взять под контроль его светлость, потому что тот, в свою очередь, имеет контроль над процветающим герцогством, приносящим прибыль.

– Если за всем действительно стоит король Джулиан.

– Либо он, либо кто-то из его лизоблюдов, – ответил Четри. – Все они жадны до денег – за исключением его светлости. Он честен и благороден в делах. Интересно, получим ли мы вести от этой Сильвии? Сумеет ли она разоблачить заговор? Когда она один-единственный раз была на борту, ее все время рвало.

– Его светлость и герцогиня Камилла доверяют Сильвии, – напомнила ему Имена. – Она опытный дипломат и шпион. Она непременно найдет способ послать нам весточку. Нам просто нужно будет осторожнее вести себя в портах, в которые будем заходить.

– Да, капитан, – согласился Четри. – Между прочим, советую тебе поскорее поговорить с его светостью. Он... озабочен тем, как бы поскорее выбраться из заточения.

Хитрая усмешка Четри взволновала Имену.

– Озабочен?

– Он предложил мне усладу плоти за то, чтобы я выпустил его.

– Что он сделал? – Женщина помолчала мгновение. – Он шутил?

– Возможно. А возможно, и нет. – Четри облизал пересохшие губы. – Он парень хоть куда, твой герцог. Есть за что подержаться, задница такая, что хочется укусить. К тому же я слышал, он искусен, как любая продажная девка, и отлично владеет и фаллосом, и другой частью тела. С таким приятно развлечься. Я чуть было не согласился на его предложение.

Перед глазами Имены поплыла красная пелена тумана.

– Я запрещаю тебе кусать его за задницу и вообще прикасаться к нему.

Четри рассмеялся:

– Заметано, капитан. Я знаю, что он твой.

– Он не...

Он похлопал ее по плечу:

– Разумеется, нет, капитан. Именно поэтому ты схватила его обнаженным и приволокла сюда.

– Я торопилась. – Имена понимала, что отвечает грубо, но ничего не могла с собой поделать. Иногда ее первый помощник очень сильно напоминал ей отца. Только гораздо хуже.

Четри тем временем продолжал:

– У тебя было время позволить ему надеть брюки, прежде чем заворачивать в ковер. Согласен, такой прекрасный член нужно было упаковать самым тщательным образом. – Он поднял одну бровь, и серебряная сережка в ней засверкала в лучах солнца.

– Довольно. – Имена вложила бумаги с распоряжениями ему в руку. – Нам нужно убраться отсюда как можно дальше. Используй все имеющиеся в запасе паруса. И подними стеньгу, если понадобится. А я спущусь вниз.

Имена намеревалась пригласить Максима в свою каюту, потому что опасность быть обнаруженным стала значительно меньше, но теперь, узнав, что он пытался соблазнить ее первого помощника, передумала. Отпирая дверь его каюты, Имена подумывала о том, чтобы продолжать держать герцога в трюме. Ему это, конечно, придется не по вкусу, но она была не в настроении потакать его желаниям. Однако, если она оставит его здесь, скольких еще членов ее команды он попытается совратить? Или соблазнить? Или и то и другое? И кто станет следующим? Максим, несомненно, захочет бросить ей вызов. Так кто же? Серетсе? Длинноногая Роксана, второй помощник капитана?

Какая жалость, что прежде нужно переложить груз, плохо размещенный в связи с поспешным отплытием судна. Максим может и подождать. Нужды «Морского цветка» Имена ставила превыше маленького акта возмездия.

Ничего хорошего ей от герцога не стоило и ждать. Она же знала, что он собой представляет и как любит развлекаться.

Но он выставил ее дурой на ее же собственном судне, поэтому ему послужит хорошим уроком некоторое время провести в заточении. Осмелится ли она на такое? Имена была так рассержена, что считала, да, осмелится. К тому же она ревновала, хотя и не имела ни малейших на то оснований.

Имена распахнула дверь с такой силой, что та стукнулась о временную перегородку. Максим сидел на полу, скрестив ноги, и ел апельсин, от которого по всей каюте распространялся кисловатый цитрусовый аромат. Губы и пальцы герцога были влажными от липкого сока, и Имена тут же вспомнила, что примерно так же он выглядел, когда на лице его еще оставался сок ее лона.

– Держитесь подальше от моего экипажа, – заявила она.

– Даже если меня станут упрашивать? – Он проворно и легко вскочил на ноги и протянул ей половинку апельсина. – Хочешь кусочек?

– Четри не упрашивал.

– Но он смотрел на меня особым образом. Я знаю, что на большей части территории империи подобные отношения не одобряют, но, разумеется, ты...

– Мне следовало бы держать вас здесь взаперти.

– Это совсем невесело, – ответил Максим, закидывая апельсиновую дольку в рот.

Как зачарованная, Имена наблюдала за тем, как он жует и глотает.

Она произнесла:

– Мне следовало бы оставить вас здесь, но нужно переместить груз. Мы побросали его в спешке и... Не имеет значения. Собирайте ваши вещи. Я помещу вас в своей каюте.

Улыбнувшись, Максим отвесил ей поклон и шутливо заявил:

– Благодарю вас. Я к вашим услугам.

Почти обнаженный и покрытый с ног до головы пятнами грязи из тесного закутка, где его держали прежде, Максим все же вызывал у Имены желание вытянуться по стойке «смирно». Она запоздало поняла, что эта черта роднит его с ее матерью, и поморщилась.

– Поторопитесь, у меня много дел.

Когда они поднимались по ступеням, Имена впереди, Максим за ней, он произнес:

– И зачем тебе было так утруждать себя? Я был готов разделить с тобой ложе еще вчера. Но если тебе нравятся подобные игры...

Имена вскричала в негодовании:

– Так вот что вы думаете?

Она вывела свой корабль из порта, имея недостаточно провизии и даже не очистив днище от налипших моллюсков, ради него, чтобы предотвратить готовящееся убийство, а у него на уме лишь секс. Имена едва сдержала

рвущуюся с губ язвительную тираду.

– Должен признать, идея с ковром пришлась мне по душе. Быть завернутым в его складки и перенесенным двумя мускулистыми молодчиками, – а я полагаю, они должны быть мускулистыми, – в этот укромный уголок, чтобы дать мне время все обдумать...

Имена резко развернулась к нему.

– Я и вообразить не могла, что вы можете вызвать у меня раздражение! – воскликнула она, уверяя себя, что не станет воевать с ним сейчас. Не станет.

– Это особый талант, который я развивал в себе с детства. Если бы мне пришлось жить с отцом Камиллы после того, как он убил моих родителей, ему бы пришлось со мной несладко. – Помолчав немного, Максим поинтересовался: – Так я заставил тебя ревновать? К Четри? Я зашел бы гораздо дальше, ответь он согласием, и вызвал бы еще больше ревности с твоей стороны. Интересно, как бы тебе это понравилось?

Имена подумала о том, что, если герцог немедленно не замолчит, она его прикончит. «Не помочь ли ему закрыть чрезмерно болтливый рот?» – подумала она.

– Внутрь, – приказала Имена, распахивая перед ним дверь каюты.

– Теперь я буду пленником в твоих личных покоях, не так ли? – ухмыльнулся Максим, входя в каюту. – Я весь трепещу, как девственница перед первым соитием. Мне всегда было интересно узнать, что происходит в каютах каперов. Однажды мне довелось перепихнуться в гамаке. Это было неудобно, должен заметить, но в конце все наладилось.

– Садитесь.

Она указала на один из двух своих сундуков, застланных несколькими слоями одежды для придания большей мягкости. Максим повиновался, но сел на сундук верхом, и ткань брюк натянулась, четко обрисовав его фаллос и мошонку. Он принялся медленно поглаживать свой член, уже значительно увеличившийся в

размерах.

– Прекратите это, – сказала Имена. – Мне нужно поговорить с вами.

– Я могу разговаривать и действовать одновременно, – с ухмылкой ответил Максим. – Ты и так заставила меня слишком долго ждать. Не думаю, что смогу вытерпеть еще немного. Я мог бы попросить Четри облегчить мои страдания...

Имена что было силы сжала руками оставленный Норис лить. Он был довольно мягким и выбран с таким расчетом, чтобы не повредить шелковые вещи.

– Вы вели себя не столь глупо до того, как я позволила вам искупать себя, – заметила она.

Улыбка герцога тут же погасла.

– Это было до того, как ты заперла меня и оставила одного, да еще и отплыла со мной в океан, даже не спросив моего разрешения. Думаю, все это дает мне право вести себя глупо.

Имена направилась к нему.

– Дайте мне ваши руки, – приказала она.

– О нет, ты этого не сделаешь, – с неподдельным раздражением произнес Максим, и Имена ощутила радость.

– Вы же не станете со мной драться, – сказала она.

– Да неужели?

Имена схватила герцога за запястья и молниеносным движением связала ему руки пеньковой веревкой.

Максим воззрился на нее:

– Вот уж не думал, что ты на это способна.

Имена в ответ ухмыльнулась. Внезапно она почувствовала себя гораздо лучше. Ножом отрезав кусок веревки, она опустилась на колени и туго прикрутила Максима за лодыжки к железным кольцам, вмонтированным в пол для крепления сундуков. Для этого ей пришлось еще сильнее развести его ноги в стороны. Когда она сидела перед Максимом на коленях, то едва не касалась губами его колена и видела, как напряглись мышцы у него на бедре.

– Для того чтобы выразить свое недовольство, достаточно было обойтись лишь связанными руками, – произнес Максим.

– Только не для меня, – возразила Имена. Лицо ее находилось практически на уровне его гениталий, и она поспешно вскочила на ноги, чтобы не быть понятой превратно. – Через некоторое время я вернусь и буду говорить с вами, а вы станете слушать.

– Подожди! – вскричал Максим. – Мы еще не закончили. Почему ты снова оставляешь меня?

Перед тем как скрыться за дверью, Имена забросила себе в рот засахаренную лимонную дольку. Ей отчаянно хотелось связать этого мужчину с головы до ног, просто ради удовольствия показать ему, что он полностью находится в ее власти.

Глава 7

Когда корабельный колокол пробил две четверти часа, дверь каюты снова распахнулась. Норис сначала с опаской заглянула внутрь, потом вошла, закрыв за собой дверь, и потянулась к стоящей на полу корзине. Заметив Максима, она замерла на месте, в изумлении воззрившись на него.

– Это твоя веревка? – мягко поинтересовался Максим.

Рот служанки открылся, затем снова закрылся.

– Можешь забрать ее, если хочешь. Но для этого тебе придется меня развязать.

Норис прижала корзину к своей плоской груди:

– Я... Капитан позаимствовала мой линь?

– О да.

– Тогда вам нужно самому попросить ее развязать вас, – с ухмылкой ответила Норис и исчезла, прихватив с собой корзину.

Максим слабо выругался и возобновил попытки поднять ноги. Крепежи, к которым он был привязан, не сдвинулись ни на миллиметр, а на прочном покрытии пола не появилось ни единой трещины, как бы он ни старался. Максим быстро убедился, что чем более рьяно он пытался высвободить запястья, тем крепче веревка впивалась в кожу. Ему даже не удалось обнаружить свободного конца, за который можно было бы потянуть зубами.

– Быть похищенным, – произнес герцог вслух, – совсем не так весело, как я ожидал.

Возможно, все наладится, когда между ним и Именой установятся более тесные отношения. Если установятся. Он уже начал в этом сомневаться.

Когда пробило еще четверть часа, Максим стал распевать во все горло:

Не было у солдат мужества-а-а!

Но тут пришла Ла Роуз, первейшая из шлю-у-ух,

И поклялась она, что вернет армии боевой ду-у-ух,

И дала им... У-у-ух!

Он сглотнул, отчаянно мечтая еще об одном апельсине, потом затянул снова:

У Ла Роуз ручки нежные-е-е,

А щеки красные, как кро-о-вь.

Она взяла капитана первого-о-о,

И скоро у него стоял как ко-о-ол!

Дверь с грохотом распахнулась.

– Мое судно не дом терпимости!

– А в моем герцогстве подобные заведения зовутся попросту борделями, – ответил Максим, с надеждой глядя на Имену. – От пения мне захотелось пить. Я знаю семнадцать различных вариантов этой песни, а с дополнительными куплетами, которым меня научила тетя, и вовсе получается двадцать три. Но они самые ужасные. Хочешь, озвучу тот, в котором собака Ла Роуз лижет...

Имена встала прямо перед герцогом. Щеки ее покраснелись от гнева, и Максим невольно вспомнил, как она выглядела, когда он ублажал ее в купальне своего замка. Он хотел было прикоснуться к ней, но ему помешали веревки. Имена посмотрела на него и тут же отвела взгляд, явно стараясь взять себя в руки.

– Я дам вам попить, – сказала она. – Не слишком ли крепко я стянула вам запястья?

«Она не предавала меня». Максим вздохнул с облегчением, осознав, что до этого момента он ставил под сомнение преданность ему Имены. Он протянул ей свои связанные руки:

– Можно ослабить путы. Не очень-то я буду тебе полезен с онемевшими руками.

Опершись ногой о сундук, Имена положила его связанные руки себе на колени ладонями вверх, так, чтобы он не смог сжать его. Склонившись, она стала возиться с узлами. Легкое трение веревки о кожу вовсе не показалось Максиму неприятным. Вкупе с теплом рук Имены это было... возбуждающе. Он подался вперед и легонько подул на ее бритый череп. Содрогнувшись всем телом от этой неожиданной ласки, она произнесла:

– Прекратите это.

– Но почему? – Герцог подвинулся ближе, языком исследуя зону у нее за ухом. – Как ты хорошо пахнешь, – добавил он.

– Сейчас не время. Займите свои мысли чем-то другим, если получится. – Ослабив последний узел, Имена выпрямилась и поспешно отступила в сторону, чтобы Максим не смог ее больше коснуться. Наполнив стакан водой из кувшина, она поднесла его к губам герцога и придержала, пока он пил. Он осушил два стакана, прежде чем жажда его была утолена. – У меня дел по горло. Обещаю, однако, что позже я вернусь, чтобы поговорить с вами.

– Ты могла бы хотя бы развязать меня.

– Не думаю, что это хорошая идея, – ответила она. – Уж слишком вы непредсказуемы. – Она улыбнулась. – Я много наслышана о вашей изобретательности. Уверена, вы придумаете, как себя занять.

Не успел Максим попросить освободить ему руки и дать перо и бумагу, как Имена исчезла.

– Гр-р! – зарычал он.

Максим осознал, что каюта насквозь пропитана запахом Имены. Даже ароматы сосновой смолы и лимонного масла не могли замаскировать то, что она живет здесь, работает и спит. В моменты отдыха она лежит обнаженной на своей просторной койке. Очевидно, хлопковый матрас также хранит запах ее кожи. Закрыв глаза, Максим вздохнул. Сундуки Имены были обиты кедром, которым пропахла вся ее одежда, и, сидя на одном из них, он воображал, что она находится рядом.

Герцог открыл глаза.

– Ты действительно стал сентиментальным, как верно подметила Сильвия, – сказал он себе, вдыхая аромат ее мебели.

Он ведет себя хуже, чем самый жалкий герой провинциальной мелодрамы!

Проявляя терпение, Максим потратил впустую слишком много времени, ожидая, когда же Имена заявит о своем интересе к нему или хотя бы даст понять, что у нее имеется к нему интерес и ее заботят не только нужды судна. Его соблазнение Имены в купальне прошло очень хорошо, гораздо лучше, чем он предполагал, – по крайней мере, до тех пор, пока она не отвергла его. За все время их знакомства он впервые выказал ей подобную заинтересованность. Максим уверился, что нужно продолжать в том же духе, потому что одними разговорами ничего не добьешься. Он мог управлять ею через прикосновение. Одно легкое прикосновение, которое помогло бы ему проникнуть в ее мысли, завладеть чувствами, – вот все, в чем он сейчас нуждался.

Итак, ему следует снова дотронуться до нее. В настоящий момент задача казалась герцогу очень трудной, принимая во внимание, что Имена связала ему руки.

Его пение заставило ее вернуться в каюту. Он может снова проделать этот трюк, а когда Имена окажется рядом, она вынуждена будет поговорить с ним. За долгие годы сладкие речи не раз сослужили ему хорошую службу. Максиму посчастливилось отточить умение вести беседу, в котором он сейчас отчаянно нуждался.

Глядя на койку Имены невидящим взглядом, герцог стал продумывать, что он ей скажет.

* * *

Сидя на наблюдательном пункте на мачте, Норис заметила еще одно королевское судно. Это неизбежно влекло за собой очередную смену курса «Морского цветка» и необходимость ловить новое направление ветра. Четри мог справиться с этой задачей самостоятельно, но Имена не хотела снова спускаться в свою каюту, по крайней мере пока.

Она не могла вечно держать Максима связанным. Рано или поздно ей придется приблизиться к нему настолько, чтобы освободить его и позволить ему одеться. Ей же при этом предстоит бороться с собственным желанием попробовать на вкус его кожу – на шее или мускулистом плече, не имеет значения, где именно.

Имене казалось, что испытывать вожделение – смехотворно. И совершенно неуместно. Не следовало ей позволять Максиму купать себя, целовать, касаться своего лона. Она могла поклясться всеми великими глубоководными китами, что знает, что собой представляет герцог. Он сношается со всем, что движется. Понимала Имена и то, что дух ее недостаточно силен, чтобы долго оказывать сопротивление Максиму.

Она не могла думать ни о чем ином, кроме как о сексе с ним. Ей хотелось схватить его и трясти изо всех сил, наказывая за то, что поработил ее мысли. Воображение ее услужливо рисовало следующую картину: она лежит на Максиме сверху – или он на ней, – и тела их сплетены воедино, будто связанные крепким морским узлом.

Имена до сих пор ощущала прикосновение его кожи и мягкое трение его бороды о свои бедра.

Они могут всего лишь удовлетворить страсть, а потом расстаться. Многие моряки поступают схожим образом: в каждом порту новый сексуальный партнер, встреченный случайно. Такие отношения длятся один день и одну ночь, а потом заканчиваются поцелуем, томной улыбкой и, возможно, отметиной от любовного укуса.

Имена осознала, что именно таким человеком и был для нее Саньи. Вне зависимости от того, как страстно ожидала она встречи с ним по возвращении в порт и с какой изобретательностью развлекала она их обоих неспешными вечерами, выходя в море, она немедленно забывала о своем любовнике. Имена чаще думала о двух сыновьях Саньи, чем о нем самом. Она знала, что, если они когда-нибудь поженятся, эти мальчишки станут ее детьми, и гадала, каково это – иметь детей и хочется ли ей этого на самом деле. Но подобные мысли вылетали из ее головы прежде, чем она успевала все как следует осмыслить. Имена старалась не задумываться, почему так происходит, но ответ был неизбежен – она никогда всерьез не воспринимала идею о браке с Саньи. Он был слишком скучен, чтобы стать ее мужем.

– Я иду вниз, – сообщила она.

Имена не стала стучаться в дверь собственной каюты. Она все еще была зла на Максима за то, что он пытался совратить Четри, хотя и понимала, зачем именно

ему это понадобилось. Она испытывала извращенное удовольствие оттого, что отказала герцогу в этом маленьком проявлении вежливости – стуке в дверь. Не колеблясь ни секунды, она распахнула дверь и вошла.

Максим был по-прежнему привязан к крепежам палубы и по-прежнему был сильно возбужден. Связанными руками он потирал свой сосок, сосредоточенно взирая на ее койку.

Имена посмотрела в его глаза, потемневшие от страсти, а также на напряженные плечи и руки. Во рту у нее пересохло, а лоно увлажнилось. Она как наяву видела то, что воображал сейчас он: они лежат вдвоем обнаженными на кровати, извиваясь в объятиях друг друга, подобно созданиям моря. Или еще лучше: Максим по-прежнему связан, и она делает с ним все, что пожелает.

Незачем ей торопиться поговорить с ним. Сейчас Максим находится в безопасности, во многом благодаря ей. Если он узнает о том, что жизни его угрожает опасность, это ничего не изменит, по крайней мере в ближайшие несколько часов.

Она может заполучить его. Он не будет против, наоборот, обрадуется ее согласию и доставит ей удовольствие. Имена знала, что у Максима было много партнеров, она своими глазами наблюдала приход и уход некоторых из них. Ни один из них никогда не отзывался о герцоге плохо, и это впечатляло. Или это являлось следствием того, что все его любовники и любовницы хотели преимущественно слушать, а не говорить? Имена отметила, что Максим всегда старался сохранять с людьми дружеские отношения. Имене казалось логичным, что его стремление доставить удовольствие распространяется и на его сексуальных партнеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yanssen_viktoriya/koroleva-piratov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)